

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №8 (15), август 2012 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>

Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

Наша презентация в Израиле

7 августа в Хайфе в аудитории Бейт оле (Дом репатрианта) прошла презентация газеты «Интеллигент».

На фото справа, руководители литературной студии «Анахну» Марк Тверской и Юрий Лейдерман и координатор студии Мария Фердман открывают презентацию.

Аудитория во время чтения стихов.

Литературная студия «Анахну» - Хайфа, Израиль

Евгения Босина

Изысканный цветок,
Изнежен и печален,
Его чеканил Бог
Для украшения спален.

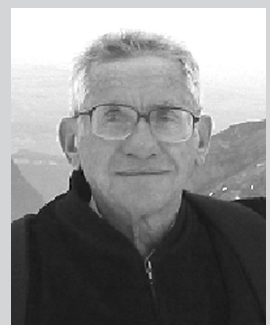
Чтоб женской наготой
В огне цветов прекрасных,
Волшебной и простой,
Мы наслаждались страстно.

И чтобы натошак,
Проснувшись утром рано,
Пить марочный коньяк
Из чашечки тюльпана.

Разбитыми дорогами Вселенной
Грохочет время — старая арба.
И правят мной всю жизнь попеременно
Судьба и случай, случай и судьба.

Но королевой будь я или пешкой,
Семи и боле пядей будь во лбу,
Не различить мне в суете и спешке
Судьбу и случай, случай и судьбу.

Я только слышу грохот той летучей,
Никем не управляемой арбы
И только знаю, что сама — лишь случай
Всеобщей человеческой судьбы

Абрам Эленбоген

ТЮЛЬПАН

Тюльпановый костёр,
Порочный и невинный,
Огонь свой распростёр
Над ложем тёмно-винным.

Эдуард Фишер

Мутная вода

Радость, если даже и минутная,
Остаётся в жизни навсегда.
Хоть вода порой бывает мутная,
Только это всё равно — вода.

Может дождик скупо капли высеять,
Не омыть просящее зерно.
Не посмеет небо тучу высмеять:
Капли — это дождик всё равно.

Если слово брошено случайное
В чьё-то сердце чёрным угольком —
Никаким усилием отчаянным
Чёрное не вспыхнет огоньком...

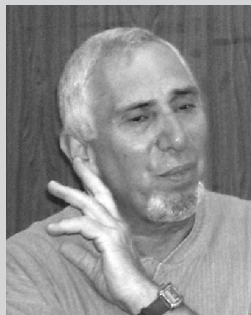
И пускай в душе тревога смутная
Не даёт покоя иногда...
Помни, что вода бывает мутная,
Только это всё равно — вода...

Инна Костяковская

Ещё весной душа полна,
ещё умею слышать лето,
ещё не выпита до дна,
ещё тобою не согрета...

Ещё горит огонь в груди,
ещё задумчивы рассветы,
ещё так много впереди,
ещё не найдены ответы...

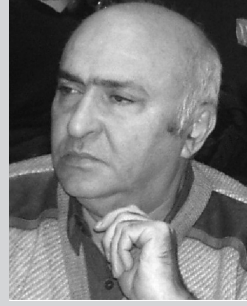

Юрий Лейдерман

Позолочу цыганке ручку
И посмотрю в глаза красе,
Она помолится на тучку
И мне откроет тайны все.

Я стану лохом и паяцем,
Сойду, качаясь, на карниз,
Не зная, плакать иль смеяться,
Что все концы судьбы сошлись.

И чтобы там не говорилось
О воровстве ночных коней,
Во мне Вселенная смутилась,
Разоблачившись перед ней.

Марк Тверской

Перечитывая Горького

Презрев земную суету,
Стремился Сокол в высоту.
Он безрассудно горд и смел,
Но горек был его удел.
Он в неоправданном бою
Пролил, как воду, кровь свою.
Он упивался битвой властью,
Чтоб в море замертво упасть.
А Уж в тени прибрежных скал
Врагов для битвы не искал,
Не рвался, как безумный, в бой.
Он не герой. Зато живой.

Мария Фердман

Сама его короновала,
Но праздник превратился в боль:
Без объяснений и скандала
Сбежал залгавшийся король.
Не умерла, жива осталась.
И не слеза в моей строке,
А только горькая усталость
Свободой в сжатом кулаке.

Семён Гендель

Как здорово смешал закат
Мои страницы со стихами,
Реальность с призрачными снами,
Мечты, обиды, рай и ад.

Казалось, горная река
Меня накрыла водопадом,
И со скалы упала рядом
Необходимая строка.

А над поверхностью воды
Звезда вечерняя горела,
И рисовала желтым мелом
Границу счастья и беды.

Фонарь подсвечивал закат,
И серебрились звёзды-точки.
А на столе пылали строчки,
И тикал ритмы циферблат.

Григорий Гозман

Память

Я помню - бабы голосили,
Когда с фронтов большой войны,
Где воевали их сыны,
Им похоронки приносили.
И в День Победы боевой
Сквозь звуки праздничного мая
Я с болью в сердце вспоминаю
Тот безутешный женский вой.
Я не забуду этот плач,
Пока дышать не перестану.
Не залечить мне эту рану,
Хоть время - самый лучший врач

Ирина Явчуновская

Ночь в заливе

Раскидала ночь седая
Волны — вольные шатры,
Блики лунные метая,
Как огромные шары.
Разгулявшись спозаранку,
Угоняя тучи прочь,
Воет ветер. Наизнанку
Выворачивает ночь.
Злые тучи, словно волки,
Показали свой оскал,
Брызги — мелкие осколки
Волн, разбившихся у скал.

А вблизи, в глаза залива
В бриллиантах-огоньках
Смотрит Хайфа горделиво
И не верит в тьму и страх.

Михаил Левин

Скажи, что может быть прекрасней,
Когда в ночи, на самом дне
В счастливом доме свет не гаснет,
Хотя темно в его окне.

Я в это верю не напрасно,
Сознание не искажено,
В счастливых окнах ночью ясной
Всё больше звёзд отражено.

Но как преодолеть неверье,
Где каждый миг сиянья дня
Нет, не захлопывает двери,
А раскрывает для меня.

Там, за небесною завесой,
Под звёздной аркой есть ли тот,
Кто душу мне терзает мессой,
И ей покоя не даёт?

Евгений Минин

Поэт, пародист, издатель, родился в г. Невель Псковской области. Стихи, пародии и проза печатаются в журналах и газетах, издаваемых в США, России, Израиля и Европе, «Литературная учёба», «Дети Ра», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «День поэзии», «22», «Зарубежные записки», «Слово/Word», «День и Ночь» и т.д. Участник постоянных юмористических рубрик в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Флорида» и «Литературная учёба», в израильских газетах «Вести» и «Секрет». Издатель и редактор-составитель множества поэтических альманахов и литературных приложений. Автор семи поэтических сборников и книги прозы, председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, член СП Москвы, издатель и главный редактор журнала «Литературный Иерусалим», ответственный секретарь «Иерусалимского журнала», член редколлегий журнала «Дети Ра». Лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта — Израиль, лауреат премии журнала «Флорида». Живёт в Иерусалиме

КОГДА БЫ...

Под настойчивый рёв теплового,
Средь еловых теней и ольхи;
Как бы жили мы, если б не проза,
Кем бы стали, когда б не стихи?
Александр Кушнер

Не ехидно, совсем добродушно
Приведу адекватный пример;
Что б читали мы, если б не Кушнер,
Что б писали, когда б не Гомер.
Сколько в мире пера виртуозов,
Написавших тома чепухи,
В нищете жило б, если б не проза,
И не спилось, когда б не стихи.

ИСКРЕННЕЕ

Корабль плывет, дельфины лают,
судьба — вместилище трухи:
как жаль, что нынче не ссылают,
не убивают за стихи.
Александр Кабанов

Поэтов развелось повсюду —
куда ни плюнешь — рифмоплёт.
Лютует критик, бьёт посуду —
а караван себе идёт.
В литературу мы попали:
кто — от сохи, кто — от станка.
А так писать, чтоб убивали —
у нас ещё кишка тонка.

ИНОПЛАНЕТНОЕ

Вновь мимо просвистел
Космический булжжик.
Константин Ваншенкин

Домой неспешно шел,
Счастливейший на свете —
Стихи свои прочел
В сегодняшней газете.
Я многое сумел,
Поэзии подвижник!
Вдруг мимо просвистел
Космический булжжик.

Неужто в небе, там,
Где космоса задворки,
У инопланетян
Прочли мои подборки?

ЖДИ МЕНЯ

Лежал. Не как всегда, а наново
как будто было мне лежать.
Читал Георгия Иванова —
и ждал. И так хотелось ждать!
Анатолий Найман

Свои стихи читал я заново,
и, перелистывая лист,
всё ждал Георгия Иванова —
пришёл Иванов-пародист.
Когда-то звал меня по имени,
а тут скривил улыбкой рот:
«Лежи и дожидайся Минина —
он обязательно придет!»

ВИШНЕВСКИЕ СТРАДАНИЯ

Я единственный не понимаю:
Что случилось — случилось со мной.
Владимир Вишневский

Наступили бессонные ночи
И безумие творческих дней.
Я стараюсь писать покороче,
А выходит длинной и длинной.
Может, стану известным пиитом,
Предсказаниям всех вопреки,
Ведь настолько я стал знаменитым,
Что уже не хватает строки...

ПО ЩУЧЬЕМУ ХОТЕНЬЮ

Щука сквозь ледяную дырку
спросит: — Что тебе, блошька сыть?..
Тут уж главное на бутылку,
на бутылку не попросить.
Юрий Ряшенцев.

Получилась такая штука,
шел по льду как-то раз напрямик —
вдруг из проруби вылезла щука: —
Дескать — что тебе надо, мужик?
Словно молотом «бац» — по затылку,
Сто желаний снуют в голове:
Нет, не буду просить на бутылку —
Пусть мне книжку издаст!
Или две!
Иль в кино роль какую сыграю —
на желанья возник аппетит,
только щука пропала — а с краю
вижу, братцы: бутылка стоит.
Не успел даже крикнуть: Спасибо!
Начал греться, поскольку — зима.
Щука — видимо, умная рыба —
если всё понимает сама!

ИзТорическое

И я, прибегнувший к перу,
Скуривший пачку «Беломору»,
Для рифмы пролиставший Тору,
Как Моисей,
народу — вру.
Максим Жуков

От «Беломора» ставший бледным,
Я расскажу России всей
На что мацу евреям бедным
Когда-то вешал Моисей
А врать могу я без разбору —
Подняв себя на пьедестал,
Поскольку не читал я Тору,
А так, для рифмы пролистал.
Поклонник ямбов и хореов,
Я обо всем писать привык.
Но сторонюсь всегда евреев,
А то обрежут мне... язык.

ПАМЯТНИК ТИПА

..пиши перо скрипи бумага
я типа памятник себе.
Борис Панкин

и пусть не почитаем всеми
намечен перелом в судьбе
поскольку в нынешнее время
я типа памятник себе
и не нуждаясь в пьедестале,
я всем великим брат и сват
вот правда голуби достали
нагадить сверху норовят.

ЖЕНСКИЕ ТАЙНЫ

Как пахнут морем и жасмином
Мои латышские духи!
И вот, чтоб нравиться мужчинам,
Я ими брызнула в стихи.
Марина Бородинская

Тебя, читатель, знаю точно
Мои стихи не утомят.
Я придавать умею строчкам
Какой угодно аромат.
Порою брызгаю заразу
В них —

хлор и даже аммиак.
Такие вслух читаю сразу,
Когда привяжется маньяк.

РАЗГАДКА МИФА?

Самсон, Самсон, спроси свою Далилу:
куда ты на ночь, сука, собралась?
Лидия Григорьева

О чём я расскажу — для всех наука.
Сказал Самсон Далиле вгорячах:
«Куда же собралась

ты на ночь, сука» —
и тут же был острижен в пух и прах.
А как не вспомнить о похожем мифе.
Какие, догадаетесь ли вы,
словечки Олоферн сказал Юдифи,
за что лишился сразу головы?

ЮНОЕ ПЕНСИОНЕРСКОЕ

Меня насильно в старость привели.
Я не хотел. Я упирался рогом.
Я был не тот. Меня не там нашли.
Неверно рассчитали по итогам...
Геннадий Русаков

Я не давался запросто врагам,
Грипп обходил, не трогала простуда,
Мне годы надавали по рогам,
Хотя я был не тот и не оттуда.
Но паспорту не верьте, глупышу,
В душе мы не один десяток сбросим!
Вы почитайте — я ещё пишу,
Как в двадцать пять!
От силы — в двадцать восемь!

СОРТИРИЧЕСКОЕ

Этот город внезапно-весенний,
Где Горбовского след не простыл,
Где ходил по Большому Есенин,
Где по Малому Бродский ходил...
Вадим Куняев

Питер — город мечты и контраста,
Сколько строчек о нём сочинил,
Я гулял по Литейному часто,
И на Невский не раз заходил.
Но одно так набило оскому,
У меня к медицине вопрос:
Стоит только пойти по Большому —
Прошибает словесный понос.

ФАНТАЗИЯ В ЛЯ-МИНОРЕ. КОНЦЕРТ ЮРИЯ ХАБАРОВА

Здесь надо говорить только правду и ничего, кроме правды. Пустые слова, лесть, лукавство невозможны, когда хочешь рассказать про Юрия Хабарова, человека, чья душа не замутнена фальшью. Он из замечательных бардов, которые сочиняют и стихи, и музыку и сами аккомпанируют себе. Юрий играет на гитаре виртуозно, хотя не имеет музыкального образования.

Он автор более чем 300 песен, поэтических сборников и дисков: лауреат множества фестивалей в России; лидер северной бардовской песни, основатель мурманского клуба авторской песни «Пять углов». Радиожурналист, ведущий передачи о бардах «Мы никогда не пели на заказ».

Лишь несколько последних лет живёт в Санкт-Петербурге,

но Север в сердце – навсегда!

– На Север, на волю,
где воздух чистый, как снег вершин...

На Север, в раздолье,
все занозы вытащить из души...

У Юрия безупречное литературное чутьё и редкий дар: там где другие видят лишь толику, он видит всё и воспроизводит зримое в звучании слов и музыки.

– Я как акын, – говорит Юрий – что увижу, о том и пою...

Он блестящий исполнитель: «Приглашение к путешествию в Париж» – настоящий шансон, великолепная стилизация с безупречным французским произношением.

В «Песенке о нас» утончённо выражены чувства к жене:

– и мне страшно порой, что могли быть
наши дети не наши с тобой...

– страшно только одно, дорогая, что друг друга мы переживём...

Песня-ликование «Внук»...новый статус, статус деда!

– Так что план по жизни, скажем,
мною выполнен вполне:

дом построен, сад посажен,
вырос сын, и внук при мне!

Творчество Юрия – своеобразный автопортрет, где он предстаёт лириком, романтиком влюблённым в природу, сильным мужчиной – благородным в мыслях и поступках, верным другом и, конечно же, юмористом:

– Ох вы, юные забавы, ох вы, ночи у костра,
вспоминают вас суставы, если дождик льёт с утра...

Песня «Болезни».

И, там же:

– Провалившись до Покрова, я усвоил лишь одно:

видно, помереть здоровым мне отнюдь не суждено.

Так что, Лёха, благодарствуй, я отмучился, кажись,

наливай, давай, лекарство, на хрен мне такая жизнь!

На концертах Юрия после первых же аккордов его гитары, присутствие слушателей превращается в соучастие в мире образов его прекрасных песен – в мире чистых помыслов и поступков, где нет пошлости, угодничества, нет зла, где превыше всего ценима любовь:

– С нашим миром, мой друг, не случится вовек ничего,
если каждый в нём будет хотя бы немного любим...

Песня «Что спасёт мир».

Верьте или нет, но на втором выступлении Юрия произошло вот это забавное происшествие. Там концерт проходил во дворе за домом, где на траве были расставлены стулья. Юрий пел. Вдруг появился заяц, посидел на лужайке, слушая музыку, пару раз придвинулся поближе к Юрию, который, оценив обстановку, специально для зайца запел «В тёмно-синем лесу».

Заяц заинтересованно слушал, но когда присутствующие хором грянули «А нам всё равно», заяц ускакал... Похоже, он не любил хоровое пение.

А у вас, уважаемые читатели, есть возможность увидеть Юрия Хабарова с его изумительной гитарой на фотографии, сделанной на втором концерте Романом Мордовым, а также прочитать сейчас же, без поисков в интернете, чарующее стихотворение-песню Юрия Хабарова «Цвета осени».

Надежда МАРХАСЁВА

ТЁЩА

Они живут в квартире втроём: Лёля, её муж Ося и мама Лёли, она же – тёща Оси. Зовут её Руфина Яковлевна. Молодые возвращаются с работы поздно, Руфина Яковлевна спать ложится рано, т.ч. никто никому не мешает. Золотой век, да и только.

Но вот настало время отпусков у Лёли и Оси. Поехать куда-нибудь им не позволяют некоторые обстоятельства. Руфина Яковлевна тоже не может уехать, даже на короткое время. Дело в том, что имея монументальное телосложение, она прямо-таки жить не может без своего обожаемого кресла.

– Уважаемая тёща, позвольте пододвинуть ваш постамент! – с такими словами обращается к ней зять перед очередным телесериалом. Руфина Яковлевна позволяет, и весь вечер величественно восседает в кресле перед телевизором, предоставив молодым затевать весёлую возню у неё за спиной.

И вдруг, их мирная жизнь оказалась под угрозой. Ведь 24 часа ВМЕСТЕ – это слишком, даже для такой дружной семьи...

Выход нашла мудрая тёща. Она предложила пожить по сценарию:

«Мы на курорте и только что познакомились». Молодёжь приняла идею с энтузиазмом!

Ося сразу начал ухаживать за Лёлей. Она – похорошела, ходит по квартире в модном спортивном костюме; после душа сушит свои роскошные рыжие волосы на солнышке, на балконе, в полурасстёгнутом махровом халатике. Ося, высунувшись из окна соседней комнаты, подглядывает за ней в бинокль...

Ося теперь бредет каждый день, за столом пользуется ножом, а под столом заигрывает с ножкой милой соседки (т.е. Лёли). Дарит ей цветы, назначает свидания. Гуляя, опускает лёлину ручку в свой карман, гладит её и щекочет пальцем, а в мыслях строит планы встретиться с Лёлей в более интимной обстановке. Лёля прижимается к нему и лёгкое прикосновение её груди волнует его, как никогда раньше.

Присутствие Руфины Яковлевны не мешает влюблённой парочке уединяться в своей комнате и днём, по всем канонам быстротекущего курортного романа. Потому что, к счастью, Руфина Яковлевна, как и положено на курорте, имеет тихий час. Вернее – два часа, которые лишь условно тихие, потому что она храпит, и очень громко. И всё лето – на балконе.

Из-за её храпа вороны не вывели птенцов в первый год, когда поселились на дереве под окном их квартиры. При каждом новом взрыве храпа, сопровождаемого оглушительным прочищением горла, ворона кидалась наутёк, оставляя гнездо без присмотра. Поэтому в положенное время птенцы не появились... Потом вороны привыкли, теперь лишь гневно каркают, пролетая над балконом, с потомством же у них всё в порядке.

Раньше тихий час Руфины Яковлевны был подобен стихийному бедствию и для соседей тоже. Соседская собачка выла и лаяла до хрипоты, принимая храп за голос огромного и опасного зверя. Вслед за нею заливались лаем все собаки, живущие в доме. Потом начинали шипеть и орать окрестные коты из-за своей генетической неприязни к собакам, но в этом уже не было вины Руфины Яковлевны. Этот кошмар закончился лишь тогда, когда хозяйева собачки уехали на ПМЖ в Израиль, захватив с собою несчастное животное. Ося шутит до сих пор:

– Уважаемая тёща, – говорит он, – не спите на балконе, пожалуйста! Из-за вашего храпа скоро эмигрируют все жильцы, а ведь в нашем доме живут приличные

люди и неизвестно, кто введёт вместо них. Подумайте также о бедных воронах. По вашей вине они могут исчезнуть как вид!

В ответ тёща добродушно рокочет:

– Дорогой зять, подумай лучше о народонаселении Земли! Где мои внуки? Я их дождусь, наконец?

... На второй день после окончания отпуска, возвращаясь с работы, Лёля вынула из почтового ящика письмо, адресованное ей. От Оси. Он писал, что собирается развестись с женой и жениться на Лёле, так как никогда раньше не испытал ничего столь прекрасного, как их курортный роман.

Надежда МАРХАСЁВА

Андрей Блэк

Комисаренко Андрей Николаевич, кандидат философских наук. Учился на филологическом факультете Криворожского государственного педагогического университета. Потом обучался в Криворожском музыкальном училище по классу гитары (отдел эстрадного искусства). Пишет поэтические, прозаические и драматические произведения. Неоднократно печатался в областных и региональных литературных изданиях («Саксагань», «Артефакт», «Крила» и др.). На сегодняшний день Андрей Николаевич – доцент кафедры психологии и гуманитарных дисциплин Криворожского института им. П. Калнышевского (Межрегиональная академия управления персоналом) и продолжает заниматься исследованием философских проблем музыки, музыкального мышления и литературным творчеством.

Старик

Седой старик, как снег белее мела,
Желая Смерти, проклинал Судьбу,
Своё годами сморщенное тело
И память лет старался скрыть в гробу.

Дни долгой жизни отобрали силы,
И ностальгия превратилась в сон,
Теперь надежда на краю могилы
Раздавлена течением времён.

Эпоха новая давно настала,
Но прошлым дорожит старик седой,
Когда любовью молодость сияла,
Он в настоящем лишний и чужой.

Старик в своих воспоминаниях один,
Он как развалины языческих Афин...

Джордано Бруно

Горящий факел осуждённых знаний
Безумцев согревал своим костром;
Он не просил пощады покаяний
И мудрым дымом нёсся в небосклон.

Нетленной мыслью сквозь века взирая,
Он в истине бессмертие обрёл,
Как метеоры в небе догорая,
Оставил след и в никуда ушёл.

И пепел вдруг, подхваченный ветрами,
Освободившись от земных цепей,
Всё кружит, кружит искрами над нами,
Подобный миллионам звёзд огней.

Как Прометей — к скале прибитый Бог,
Он вспышкой всю Вселенную поджёт...

IN VINO VERITAS

Вина! Вина! Ещё вина скорей!
Пусть мозг погрузится на дно бокала
И там поймёт, что истина в вине
Своё предназначенье отыскала.

Налей! Налей! Мне до краёв налей!
Пушай пьянит божественный напиток,
Нам от похмелья будет веселей,
А трезвенность — наивный пережиток.

До дна! До дна! Бокал свой осуши!
Смакуй нектар лекарственной приправы,
Почувствуй всеми фибрами души
Тепло, бодрящее твои суставы.

Не правилами истина верна,
Но литрами и крепостью вина...

* * *

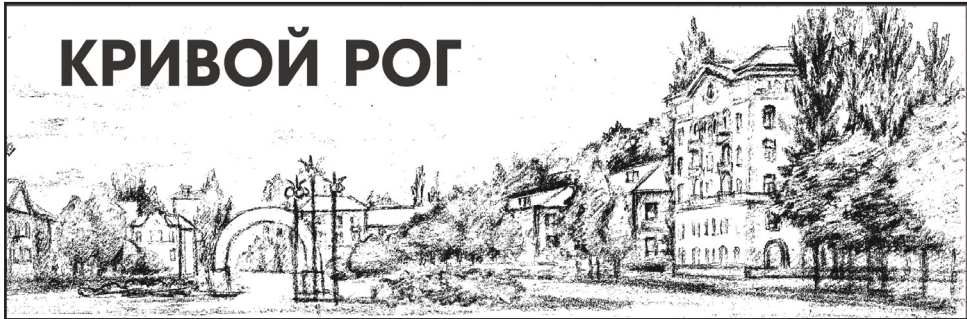
Я как художник прелести Твои
В пастельных красках опишу словами
И в них вдохну поэзию любви,
Звучащую ритмичными стихами.

И копия Твоя переплывёт
Широкие моря тысячелетья,
И там застывший образ не умрёт,
Сойдя на берег вечного бессмертья.

И глядя на божественный портрет,
Потомки все увидят незаметно
Моей надежды чистоту и свет,
Как я любил, люблю, но безответно.

Тогда высоким блеском красоты,
На миг мгновенье остановишь Ты...

КРИВОЙ РОГ

Алексей Стариков

Пришла весна

Вода струится,
отовсюду,
всюду
снег потемнел
и сдулся
на глазах —
в природе снова
происходит чудо:
зима поражена
в своих правах.
Ручьи журчат,
звенят,
почти горланят,
колюч,
как плод каштана,
солнца шар,
и воробьи
горбушку дерibanят,
затаяв
нескончаемый базар.
И у зимы ни сил нет,
ни желанья
противиться
нашествию весны —
зима сдалась
и противостоянья
бессмысленны уже
и не нужны.

Уже

Уже прорезалась трава
вдоль серой автострады.
Уже кружится голова,
теплу и солнцу рада.

Уже весна вершит своё
спокойно, без отдачи,
и стайки шустрых воробьёв
ввязались в спор горячий.

А зимний холод загнан вглубь
весёлыми лучами,
и попадает на зуб зуб
короткими ночами.

Вовсю горланят петухи
по делу и без дела.
И сочиняются стихи
легко и неумело.

Даже если это не так

На скамейке
нагрелись рейки
и листва
шелестит едва.

Льётся лето
из солнечной лейки
и безоблачна синева.
И лучи
тонки и прозрачны,
и чирикает воробей
просто так,
ни о чём,
и скачет,
где-то рядом с ногой моей.
И река
изогнула тело
и скользнула легко
под мост.
И невидимо налетело
белых бабочек
и стрекоз.

Муравьи маршируют дружно,
как солдаты,
топая в такт.

И спешить никуда не нужно,
даже если это не так.

Всё до чёртиков надоело,
время
паузу сделать
пришло.

Отдыхают душа и тело
суете бесконечной назло.

Юрий Ващенко

Из Крымской тетради

Мне зимой ночами горы снятся,
И во сне моя дорожка в небо вьётся...
Боже, как мне хочется подняться!..
И во сне мне это удаётся.

Дни идут. А вместе с ними — годы,
Научился отличать я бытьё и небыль,
Два десятка лет хожу в походы —
Отыскать хочу свою дорогу в небо.

...Вот и снова я в горах. Опять в походе,
Все домашние сомненья позабыты,
Но, увы, подняться в небо не выходит —
С неба — дождь.
И все пути дождём размыты.

Не всегда судьба к нам благосклонна —
В жизни иногда и так бывает.
Дождь в горах. Течёт вода по склонам.
Этот дождь мечты мои смывает.

Только вспышка озарения — о, Боги!..
Оказалось, что идти-то и не нужно.
Это... небо опустилось мне под ноги,
И по Небу я иду, а не по луже...

Перевал

Я в тех местах, где раньше не бывал
Иду дорогою извилистой и длинной.
В конце подъёма будет перевал,
А после — неизбежный спуск в долину.

Неспешно день июльский уплывал,
Ещё немного — и начнёт смеркаться,
Я так хотел взойти на перевал
И... никуда оттуда не спускаться.

Вперёд и вверх мои глаза глядят,
Ещё чуть-чуть — я это знаю точно.
Назад и вниз — планету от себя...
Последний шаг...
И я — на верхней точке!..

...Законы жизни мне не одолеть,
Да, не всемогущ духом я и телом,
Спускаюсь вниз. Мне не о чем жалеть —
Я к небу шёл! Я смог. Я это сделал...

...Чтоб не забыть, в блокноте написал
Я на стоянке в тот же самый вечер:
«...Жизнь как подъём —
дорога в небеса,
Подъём как жизнь —
хоть сложен, но конечен».

* * *

Мне рюкзак уже больше не давит на плечи,
Я пишу на стоянке у Нового Света.
Отчего-то тоскливо мне так
в этот вечер —
Вспомнил я — ведь кончается лето.

Звёзды падают. Я — на краю звездопада,
Но желаний таких,
чтоб загадывать, — нету,
Мне ведь, в сущности,
очень немного надо,
Мне б ещё хоть немножечко лета.

Как поётся в той песне,
плохой нет погоды,
Осень тоже бывает мечтою поэта,
Только в осень мне так уходить неохота,
Не хочу я, чтоб кончилось лето.

Я надеюсь, что Осень в пути заблудилась,
Но надежда в печаль почему-то одета,
Может быть, оттого,
что не всё получилось,
Ну, а, может, — кончается лето.

Всё уходит, и я, к сожалению, не вечен,
В свою звёздную даль улетает планета,
Мы уходим, но весь этот мир бесконечен,
Никогда в нём не кончится лето.

Галина Близненко

И боль не выплакать до дна

Моему ушедшему другу А. Олейникову

«а на дворе война»
Вера Павлова

Живу как будто бы вне времени,
смакуя сущность бытия,
а небеса опять беременны
дождями с грозами...и я
бросаюсь строчками нелепыми,
наружу вывернув нутро
и лотерейными билетами
торгую в засранном метро.
За привокзальной уборною
осели местные бомжи,
ползут за бранью подзаборною
собак бездомных скулежи...
и спит страна моя свободная,
устав от бедности своей,
как флаг — висит статья расходная
над капюшонами детей,
за дверью обувью нечищенной
грохочет сумрачная тать,
а тени толстыми ручищами
листают тонкую тетрадь,
следа за мной глазами лисьими,
и сердца замирает стук,
и звуки вязнут закулисные
в скрещении усталых рук...
Завален стол чужими письмами...
Мне боль не выплакать до дна,
узнав, что друг мой близкий при смерти,
а на дворе опять война.

Мой милый Мартин

Мой милый Мартин, будем же честны -
Не стоит ворошить впустую сны,
Когда луна ущербна и щербата.
Ведь мы давно с тобою не близки,
И нам не красть закаты мазки,
И не бродить брусчаткою Арбата
Рука в руке. Я, право, не берусь
Безропотно довериться перу -
Пишу тебе, как мелом на заборе,
И отдаюсь безвыходной тоске
По шумной, искушающей Москве
И звонам Кафедрального Собора.

Не стоит, Мартин, видно, не судьба.
Сбылась ворон ревнивых ворожба:
Засохли виноградные чернила
На кончике точёного пера.
Лишь ветер, закусивши удила,
Обрывки слов бросает в пасть камина,
Как нищему бросают горсть монет...
Я не виню тебя, мой Мартин, нет
И не брожу в безвестности дремучей,
Шагами оскверняя спящий сквер...
Ну, что же, Мартин, поклонись Москве
И письмами, прошу, меня не мучай.

Молчи, mon cher

Плодятся сны в паслёновой тени
Пустых садов...Не дотянувшись до
Седьмого неба, скомканные дни
Ложатся на прохладную ладонь
Осипшего от крика сентября —
Он растерял способность говорить.
Паломничество листьев всюду... Зря
Ты письма пишешь мне. Я их, увы,
Не открываю...В окнах тишина
Танцует в такт дыханию свечи.
Мой «профиль» удалён...надёжно, на...
Давай, mon cher, немного помолчим.
Поверь словам — легка моя печаль.
В альбомах улиц лики фонарей
Завёрнуты в туман. Горы, свечи,
Пока смывает дождь всю акварель
С холодных стен насупленных домов,
С непрочных граней нашей немоты.
Молчи, mon cher, молчи...а осень вновь
Роняет с грустью слёзы на зонты —
Их перепонки тонкие слабы.
Сегодня небо ниже, чем вчера.
(Все ангелы небесные слепы),
Давай, mon cher, дотянем до утра.
Пусть птицы, пустословья, в словари
Записывают заумь между строк,
Не надо мне писать и говорить,
Что без меня, mon cher, ты одинок.

Вот так и живем.

Нет, что ни говори, а неплохая это штука- ресторан. Сидишь себе, как господин и после первых приемов «на грудь» прохладной, кристально чистой жидкости из кристально хрустальных рюмочек- о, это совсем не то, что глушить «паленку» невымытым стаканом в гараже-, да после ощущения исключительной вкусноты расставленных на столе в розеточках-тарелочках невиданных поварских творений, ты вдруг замечаешь довольно уютный зал, совсем не похожий на обычную столовую, как тебе сначала показалось, видишь довольно приятных людей за соседними столиками, и вдруг тебе становится ясно, что ты был, мягко говоря, не совсем прав, втайне, про себя, клеймيا позором посетителей ресторанов. Мол, несчастные прожигатели денег, времени и жизни, оторванные от реального ее течения.

Вот такая метаморфоза случилась с Павлом, когда он и друзья его- Костя Европейцев, Женька Антонов и Юрка Тарасов- по воле случая оказались в ресторане. Но они же не прожигатели жизни, они обычные трудяги, участвующие в построении светлого будущего своей страны, кое в чем даже являющиеся ее авангардом. Они оказались в этом ресторане и это, оказывается, совсем неплохо! И Павлу так приятно от этого открытия, что петь хочется! И он, кажется, не один такой.

--А давайте споем потихонечку!- предлагает Юрка, заговорщицки склонившись к столу.

Юрка петь любит. Особенно, когда выпьет.

--Давайте!- так же тихо, но уверенно поддерживает его Женька.

Женька на первый взгляд просто пацаненок, ну, возможно, с некоторой степенью повзросления. Живой, энергичный малый. Он, как и его коллега Костя Европейцев, не местный. Женька- из Москвы, Костя- из Днепропетровска, приехали сюда, в этот город в составе МВК- межведомственной комиссии по определению возможного дальнейшего применения ракет после истечения их гарантийного срока. Он, наверное, самый молодой в группе двигателистов, но, несмотря на это, возглавляет эту группу. Павел буквально любовался в цехе, видя, как красиво работает Женька. Четко отдает команды и все стараются их выполнять, в случае чего- и отчеховстит, невзирая на то, что вверенные ему подчиненные намного старше его. Павел сам специалист по двигателям, прекрасно во всем разбирается, но ведь Павлу уже под сорок, а когда же этот Женька успел все постичь? И выполнял Павел, как обеспечивающий проведение работ представитель завода, команды этого Евгения Николаевича. А иначе нельзя- работы сверхсерьезные, новых ракет еще недостаточно, а обороноспособность страны страдать не должна. Поэтому очень необходимо продлить срок использования стоящих на боевом дежурстве устаревающих ракет. Работы близятся к концу, предполагается явно положительный их результат и как тут не обрадоваться, не расслабиться чуток!

И вот звучит над столиком «Червона рута». За соседними столиками- свои интересы, лишь кое-кто искоса бросил взгляд на поющих и вновь вернулся в свое общество.

--Ох, ребята, какая прекрасная песня!- восхищается Женька.-Костя, перепиши мне слова, только русскими буквами.

Костя с Павликом довольны- только они знают слова этой песни, они достойно представили свою Украину. Костя, пожимая Павлу руку, с жаром говорит:

--Ты приезжай ко мне в гости как будешь в отпуске, я тебе адрес сейчас дам,- и начинает шарить по карманам.

-- Потом договоритесь,- перебивает Женька. -- А давайте еще споем Есенинскую. Вот эту, знаете? Не жалею, не зову, не плачу.

И плывет по залу знакомая мелодия:

--Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне...

-- Ребята! - громко восклицает Женька. -- Да это же как здорово! Как тонко!

Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне! Это же... Это же...--не унимается Женька, его голос дрожит, и он вдруг откровенно плачет.

Слезы товарища сладкие, они- от избытка утонченных чувств. Это не страшно, пусть поплачет.

-- По диким степям Забайкалья-- начинает петь Юрка, но тут возле столика появляется официантка.

-- Прекратите петь!

Все непонимающе смотрят на нее.

-- Это почему?

-- Потому что! Здесь вам не... Не...

-- Не что?

-- Не ничего! Прекратите петь, иначе милицию позову!

Костя вспыхивает, его удерживает Женька.

-- Ребята, спокойно. Не обращайтесь на нее внимания, пусть зовет милицию.

И продолжает:

-- Где золото роют в горах...

Официантка поворачивается и уходит, а вскоре действительно появляется с милиционером.

-- В чем дело?-- подходит к столу сержант.

-- Мы не знаем,-- отвечает Костя.

Милиционер вопросительно смотрит на официантку.

-- Да поют же! Вот эти!-- возмущенно отвечает та.

-- Поют? И все?

-- Ну да...

Милиционер помолчал немного.

-- Это хорошо, когда поют.

Затем, обведя взглядом притихший зал:

-- Они мешают кому-нибудь?

-- Да нет, нет,- слышалось отовсюду.

-- Тогда пусть поют!

И, мгновение погодя:

-- Вот так и живем. А дай вот таким хоть какую-то власть...

И вышел.

Анатолий ПРОХОРОВ

ПИСЬМО

Служебная записка
Командира поисковой группы
Майора Эжентайнерера
Командиру корабля «ХР-17»

... В квадрате 25, в третьем секторе, моей группой было найдено письмо, оно удивительно хорошо сохранилось, только несколько фраз не удалось расшифровать. Текст приводится ниже:

«Мне необходимо рассказать тебе нечто важное. Вряд ли это можно назвать сном... Но, безусловно, это сон. Как жаль, что ты сейчас в отъезде, не могу дождаться твоего возвращения, поэтому пишу тебе письмо, не хочу об этом говорить по телефону.

...Мы погрузились в сумерки. Это были не обычные сумерки, к которым мы привыкли на Земле, это не был переход от светлой части дня в ночь. Хотя по времени (около 19-00), как раз солнце заходит за горизонт. И все же что-то во всем этом «как всегда», было не так.

Мне сначала даже показалось, что ничего не произошло. Я пристально вглядывалась в окружающее нас пространство. Первое, что я заметила, и это очень меня удивило, — это поле с высокой, доходящей до пояса, травой. Нет, ничего особенного не происходило, самая обычная никем не тронутая трава. Но это было... Не совсем поле... То есть сейчас — поле, а секунду назад... Нет, даже не берусь назвать этот отрезок времени секундой, скорее мгновение, это не такая точная единица времени. Так вот, мгновение назад мы находились в совершенно другом месте пространства, времени... Словом, факт перемещения был налицо. Нам пришлось оглядеться, чтобы понять, где мы, оценить ситуацию и получить ответы на вопросы, которые в нашей реальности, возможно, определяют дальнейшую судьбу.

Мы медленно пошли вперед, неподалеку оказалась машина. Приблизившись к ней, мы начали осматривать ее со всех сторон. Это была новая, дорогая модель «Субару» в идеальном состоянии. Дверь салона оказалась приоткрытой, все указывало на то, что владелец вышел куда-то на секунду и вскоре вернется. Мы с тобой переглянулись и решили ждать. Но нас не покидало чувство, что машина здесь, несмотря на весь идеальный внешний вид, уже очень давно и хозяин никогда не вернется. Сначала я отмахнулась от этих ощущений (о уж мне эти ощущения). Я себя убеждала: «Все очень просто, ехал человек по трассе, устал, свернул на обочину, вышел из машины размять мышцы, прогуляться, может, грибов собрать. Для городской элиты грибы - это диковинка, вот и не удержался». Все верно, вот только машина, имеющая немалый вес, проехав по траве, как минимум, должна была ее примять. Но высокая трава вокруг осталась нетронутой, вопреки всякой логике. Размышления мои зашли в тупик и я посмотрела на тебя с надеждой, что ты хоть что-то понимаешь. В то же мгновение я ощутила за спиной чье-то присутствие, я так понимаю, что его мы ощутили одновременно и, не договариваясь, развернулись на 180 градусов. Я замерла в недоумении. Перед нами стояла девочка, возраст, почему-то определить не хотелось. На первый взгляд — обычная девочка, светловолосая, худощавая, с большими грустными глазами. Глядя на нее, создавалось впечатление, что грусть не только в глазах, она как будто была соткана из грусти, а в глазах она просто нашла выход во внешний мир. Это была не просто детская грусть по поводу потерянной игрушки или родительского наказания за проступок. Нет, это была огромная тоска, смешанная со страхом, жуткой болью и обреченностью. При виде девочки у меня внутри все сжалось и разлилось боль по всему телу, резкая, сильная боль, сравнимая разве что с разрывом каждой клетки. Было так больно, что я даже не могла заплакать. И вдруг, из ниоткуда появился мальчик, еще девочка и перед нами уже стояло семь детей. Они, безусловно, были разные, но как-то удивительно похожи друг на друга. Они

просто стояли и смотрели на нас, без какого либо интереса, ощущалось полное безразличие, некая отрешенность, в их взгляде совсем не было чувств, каких либо эмоций. Их лица казались слишком бледными, почти восковыми. Какая-то нереальность читалась во всем происходящем.

Когда прошло мое оцепенение, я с мольбой посмотрела на тебя, в надежде на то, что ты хоть что-то объяснишь. Ты был, как всегда, невозмутим, казалось, что нет ничего, что может всколыхнуть тебя. Ты отвел от меня взгляд и продолжал смотреть на эту странную группу, казалось, что ты пытаешься что-то понять, но это «что-то» очень скользкое и его невозможно удержать, оно вновь и вновь ускользает. Я подумала, что если я тоже буду смотреть и при этом чувствовать, ощущать, то смогу понять. Взглянув на них еще раз, я ощутила, что «понять» у меня не получится никогда, я даже разозлилась от досады. Но, взяв себя в руки, я решила, что нужно что-то делать, что, я еще не знала сама. Я стала перебирать свои разбежавшиеся мысли: «Дети, грустные дети, нет, даже совсем, очень грустные дети. Отчего у детей появляется радость? Игрушки вызывают радость... С собой их взять не догадалась... Еще... Думай... Сладости, все дети любят сладости, возможно, конфета и не вызовет у них большой радости, но, может, грусти станет меньше?...». Ощупав карманы, я нашла несколько конфет. Неуклюже я подошла к ним и вручила каждому по конфете. Они смотрели на них какое-то время, я даже начала сомневаться в том, что они знают, что это такое и что с этим нужно делать. Они глядели на меня, и словно прочитав мои мысли методично, синхронно, развернули конфеты. Потом так же синхронно положили их в рот... И снова никакой реакции. Мне захотелось плакать, кричать... Не могу точно сформулировать все то, что мне тогда захотелось сделать от безысходности. Но, вдруг, они стали как-то странно ложиться на землю. Медленно, осторожно. Я бросилась к ним помочь, но, казалось, чем ближе я к ним подхожу — тем хуже им становится, любое мое прикосновение к ним вызывало страдания или как минимум неприятные ощущения.

- Ты знаешь, что с ними? — не глядя на тебя, спросила я.

- Не нужно было!..

- Что не нужно?!.. — я с отчаяньем смотрела на тебя.

- Не нужно... Не нужно... Им ничего этого не нужно... В этом мире...

Оставь их... Их уже нет, давно нет — это иллюзия жизни... В этом мире все для нас мертвое, но этот мир... Он так живет. У нас мало времени. Нам нужно на встречу. Больше никаких чувств и сопереживаний, не разрушиться до основания. Мы здесь для того, чтобы не допустить этого там или хотя бы для того, чтобы сказать, попытаться объяснить, чтобы выбор людей был осознанным и они знали, к чему идут.

Я, не вникая, не пытаюсь анализировать, просто побрела за тобой.

Через некоторое время перед нами возникли сначала двое, а затем дальше, шагах в пяти, еще трое обычных, как мне показалось, людей, но я не стала уже спешить в выводах, ведь здесь нужно быть предельно осторожными.

- Мы не думали, что кто-то сможет сделать то, что удалось вам. Рады вас видеть.

Окончание на стр. 6

Продолжение. Начало на стр. 5

Надеюсь на сотрудничество и на то, что мы будем взаимно полезны друг другу. Прошу, следуйте за нами. Позже я отвечу на все ваши вопросы, но прежде вы ответите на мои – сказал один из встретивших нас людей.

Мы проследовали за ними, немного отстав. Ты шепнул мне, как можно тише: - Если мы останемся с ними, то нам ничего не удастся узнать. Я ошибся в своих предположениях. Их реальность гораздо сильнее, чем я предполагал, пересекается с нашей. Они правда хотят исправить, изменить. Только уже ничего не могут, а мы можем, изменив свое прошлое, изменить их будущее, шансов мало, мизерно мало, но они есть...

Не обращая особого внимания на нас люди впереди, продолжали идти.

Оказавшись в городе, был шокирован даже ты. Хотя я, если честно, всегда думаю, что ты знаешь, что мы должны увидеть и что за этим стоит. Но реальность этого мира встревожила даже тебя. Для этого города смерть являлась жизнью. Абсолютно нормальные люди, не полупрозрачные, не растворяющиеся в воздухе были без какой-либо плотности. Мы могли пройти сквозь них, совершенно не ощущая никакого сопротивления. Самое интересное, что они явно знали об этом. Но они все такие и это для них «норма». Да, они совершенно пусты, только страх и невероятные страдания из-за этого страха.

Сначала наше присутствие не замечали. Но вскоре прохожие начали останавливаться и смотреть нам вслед. Притом их взгляд был осязателен, казалось, они смотрят на нас отовсюду, и нет расстояния или предмета, за который можно спрятаться от этого взгляда. Казалось и за километр мы будем для них словно на ладони. Город жил и умирал одновременно, соединилось несоединимое – смерть в жизни и жизнь в смерти.

Пройдя два квартала, мы попали на оживленную улицу, где пройти мимо жителей оказалось невозможно. Поэтому нам пришлось идти очень быстро, а вскоре бежать сквозь них.

- Нам нужно вернуться...

Я только догадалась, о чем ты хотел сказать, а мы уже очутились возле дома. «Люди в черном» весело о чем-то говорили, стоя неподалеку. Судя по всему, они ожидали нас. Никак особо не отреагировав на наше появление, один из них махнул рукой в сторону двери, жест, явно приглашающий войти внутрь.

- Ты иди, а мне нужно осмотреться – сказал ты.

Подойдя к двери, я поняла, что стою на пороге своего дома. Нерешительно толкнув дверь, я шагнула вперед. Да, это был наш дом. Все было реально, даже запах недавно приготовленного мной борща. Где я? Уже там? Или еще здесь? Я увидела свет, его источник завис чуть ниже люстры, он казался слишком ярким и неприятным, словно усиленная в сотню раз лампа дневного света. Я замерла от неожиданности, этот свет вдруг обрушился на пол и передо мной возник человек, один из тех, кто ждал нас на улице, «человек в черном» (я их так называю, потому, что они правда были одеты во все черное, да и ощущение этой черноты витало вокруг них). Яркий свет с этой темнотой совершенно не соединялся, как, впрочем и все другое, что бы здесь не происходило.

С появлением этого человека стали слышны голоса, а вслед за нарастающим звуком, пришли «люди в черном», они оживленно говорили, спорили. Они были не как остальные жители города. Это элита. Их роль мне абсолютно не ясна, ровно как и то, что они хотели получить от нас, и почему наше прикосновение к ним, наше присутствие, не вызывало агрессии и дискомфорта, как это происходило со всеми другими жителями города. Я смотрела им в глаза и не видела ни безысходности, ни мучений, в них была уверенность, что можно избавиться от страха и все изменить, уверенность, что они выше всего этого горя и боли, уверенность, что у них, только у них есть право на будущее, другое будущее.

Я не придумала ничего другого, кроме как спросить:

- Кто-то хочет борща?

Но тут же осеклась, вспомнив, как принятие еды приносит жителям города страдания, но каково было мое удивление, когда они с удовольствием согласились. Мало того, аромат еды вызвал у них аппетит и они с удовольствием опустошили всю кастрюлю.

Трапезу описывать не буду, так как не представляет никакого интереса, потому что я ни слова не поняла из их разговоров, о чем шла речь. Вернее сказать слова были просты и знакомы, но смысл для меня оставался закрыт, припомнить тоже довольно сложно, поэтому ни одного слова передать достоверно не могу.

Потом что-то произошло, я не успела понять что именно. Все вдруг замолчали, и один, самый большой и высокий (другого, более точного описания не найду, а врать и описывать выдуманное не хочется), приблизился ко мне и спросил:

- Как вы это делаете, почему вы можете оставаться такими?

Я ничего не ответила, потому что не знала что сказать.

Он взял меня за руку и я увидела, что от меня тоже идет свечение, но оно не ярко-белое, а мягкое, приглушенное, золотистое.

- Так что же ты молчишь?!

- Я не знаю что ответить, потому что не могу понять суть вопроса!

Мои слова привели его в ярость.

- Хватит! Говори, как ты получила этот свет!

Мне кажется, они понимали, что я правда не могу ответить. Во всяком случае, я чувствовала себя ребенком, которому кто-то сделал не сравнимый ни с чем подарок, но о существовании которого я не знала, пока мне о нем не сказали. Да и подарок оказался волшебным, его нельзя было попросить или передарить, отдать или поменять, да и отнять его оказалось тоже нельзя. И откуда он у меня и за какие заслуги мне и самой не понятно. Лишить меня его не возможно, а значит, и получить его им тоже нельзя. Мое присутствие стало вызывать неконтролируемую агрессию, желание не просто убить, а стереть с лица Земли.

Самый большой, видимо еще не потерявший надежду, остановил всех, подняв руку. Все отступили.

- Я буду говорить с ней! Мне нужен тот, с кем она пришла!

Он повернулся ко мне и продолжил:

- Как вы могли убедиться, жизнь в городе не исчезла, она имеет место быть. Началось все с солнечной активности. Было «обычное жаркое лето». Потом происходили разные «обычные катаклизмы». Люди просто болели, потом болели и умирали. Страх был везде и всюду, страх смерти и мучений, он был внутри нас и вокруг нас. Один глобальный страх на всех. Никто не хотел умирать, ни я, ни они, но умирали, как вы понимаете. Мы отличимые от них. Мы получили жизнь и теперь «живем», как видите. Но это не совсем то что мы надеялись получить. Ваша реальность – это наша реальность, как видите, это ваш дом, ваш, позвольте сказать, борщ, но не мы к вам и не вы к нам... Мы существуем, и существуем параллельно, но понятие времени у вас извращено. Прошлое, настоящее, будущее – иллюзия того, что у вас было... Возможно, будет. Это уже нераздельно и оно уже есть. Я не смогу или нет, просто не буду их останавливать. Тебя не станет.

Он взял меня за руки и опять появился свет, теплый, радостный, золотистый.

- Да, этот! Он прекрасен! Но он не станет с нами делиться светом, как сделал с тобой, не потому, что не может, а потому, что не станет!

- Можно я увижу рассвет? Я не видела здесь рассвета...»

На этом текст письма обрывается. По всей видимости попадание жидкости, возможно кислот. Хоть письмо находилось в одном из сохранившихся помещений, вероятность воздействия на него агрессивной среды не исключается. На мой взгляд, материал заслуживает внимания и вполне может быть приобщен к другим найденным документам. И в дальнейшем может помочь разобраться, что именно послужило гибелью цивилизации данной планеты.

Евсения ГЛУХОВА

Натаалья Капустюк

Жаркий август

Гремело где-то.

Это лягушонка.

Неслась по небу в ветхой

коробчонке...

Потом всё стихло.

Видимо, в саду

Приют нашла

С кувшинками в пруду...

А дождь не шёл

И даже не закрапал...

Умчалась тучка.

Кукушонок плакал –

Молил прощенья

За птенцов синицы...

Жара стояла.

Загорели лица.

Был знойным август

И... последним

У лета в веренице.

Говорила мама дочке

Сыроежка-мама

Говорила дочке:

-Ты ходи, как дама,

Огибая кочки!

Затенись листочком,

Шляпку набекрень...

Доча, нынче очень

Будет жарким день!

Полёт

Мама, мамочка, пока!

Я лечу, где облака –

Выше, выше, выше крыши,

Мимо сопки, мимо вышек...

И Останкинская башня,

Словно тонкий карандашик!

Вот и облако – киваю...

Улетаю, улета-ю-ю...

Превратилась мама в точку,

И волнуется за дочку...

Маме с облака кричу:

« Не волнуйся, прилечу-у-у!»

Интересно, мама слышит?

Солнце!

Лето!

Выше!

Выше!

Ирина Гусева

Родилась в столице Латвии - Риге. Публиковалась в газете «Заря» (Брест), журнале «Неман»(Минск), в журнале «Работница» (Москва). В 2010 году вышли две книги поэзии в издательстве «Альтернатива» (Брест): «На языке любви» и «Дары пилигрима» (переводы лирики Юзефа Игнацы Крашевского).

На интернет-портале Ольги Лялич-Кровицкой (республика Польша) размещены мои переводы лирики польских авторов из Люблинского воеводства (2012). Живу в Москве.

* * *

Акации изгиб пленяет утром ранним,
А в полдень - сон реки,
который жаль прервать.
Под вечер - шум дождя,
что к полночи устанет,
А ночью желтый серп,
каким пшениц не жать.

Любимец давний мой -

осенний ветер в роще,
Кольшущий листву, напевы ей даря.
Последовать ему

(прекрасней что и проще?)

Он приглашает сам к исходу сентября, -

Хотя б один мотив представить

листьям клена

И ждать с волненьем миг ответа...

замереть,

Когда зашелестит

со снисхождением крона,

И, может быть, как знать,

со мной захочет спеть.

И отзовутся все деревья, что услышат,
И внятен будет хор осенним небесам...
Кто скажет, что стихи

вот так никто не пишет,

Тот никогда не жил по солнечным часам.

* * *

Бесплотный дух бесплотным сделал тело.
Я - тень среди теней от веток охладелых.
Их странность, их изгиб

асфальтовая кожа,

Запечатлев на миг, отбрасывает все же...

И снова - не повтор! - но новое мерцанье.

Загадочен узор, как мирозерцанье.

Вдали от фонарей -

в пространстве опустелом -

Бесплотный дух мое

незримым сделал тело...

* * *

Метель сугробы намела

До окон достающие

И потому белым-бела

Дорога и все сущее,

Что под покровом этим все ж

Не леденеет - греется.

А если и прохватит дрожь –

Все к лучшему, что дается.

Не видно серости дворов,

Промозглости не верится –

А стылость зимних вечеров? –

Все к лучшему, что дается.

Затем сугробы намела

Метель, затем наваяла –

Творила снежные дела,

Чтоб сердце в чудо верило.

Чтоб белым стал вдруг белый свет,

Как быть ему положено.

И пусть тебе немало лет –

Возможно невозможное.

Метель сугробы намела.

Земля и жизнь белым-бела...

Николай Ерёмин Богема

1.

Бред.
Фонтан.
Поток сознания...

Но встречаемся, друг мой,
На пороге мироздания
Ты да я, да мы с тобой -
Альманахи издаём
И врагов не признаём...

А вокруг - бессонный бред,
8 бед — один ответ.
И поэт поэту, пьян,
Говорит: — Заткни фонтан!

2.

Она целует зеркало...
Она, увы, больна.

Судьбою исковеркана,
Безбожно влюблена...
К себе собою тянется
Всем сердцем, как назло...

Но, обманув, туманится
Холодное стекло...

3.

Ни водку я теперь, ни пиво
Не пью... Живу, себе на диво —
И без подруг, и без друзей,
Которые со мною пили
И так красиво голосили,
Что на погост их пригласили-
В этнографический музей...

Старик без моря

1.

Давай
Стану я стариком...
А ты станешь морем...
И нам будет хорошо...
И я напишу об этом поэму,
И мне дадут, как Хемингуэю,
Нобелевскую премию...
И мы продлим свою любовь,
Угощая поэтов на набережной...
А потом, когда ты мне изменишь с
одним из них,
Я застрелюсь от горя -
Старик без моря...

2.

Не возвращайся туда,
Где был ты счастливым!
Не возвращайся туда,
Где несчастным стал...

А, любуясь
Приливом морским и отливом,
Повторяй про себя,
Что ты стар и устал...
И что к прошлому, где тебя
называли — поэт,
Ни во времени, ни в пространстве
Возврата нет.

3.

Приезжай на море!
Приезжай ко мне!
Жду тебя - и вскоре
Будем мы в волне...

Ни с собой не споря,
Ни со мной вдвойне,
Приезжай на море...
Ах,
Оно — во мне!

* * *

Где мой отец? Где мой дедушка? Где
Мама моя?
Моя бабушка, где ты?

Мне
Отвечают
Круги на воде...

Но до сих пор бесполезны ответы.

Камни
Бросаю —
И долго молчу...

Где вы?
Я встретиться с вами хочу!

* * *

Вот опять позабыл на рассвете я —
Где я, кто я, и сколько мне лет...
Впереди — горизонт и бессмертие,
От которых спасения нет.

Частушки про Писателя, пьющего Уиски

Наш Писатель - пионер,
Всем читателям пример:
Уиски пьёт, как Хемингуй,
Хошь — учись, хошь — критикуй.

Тост — за молот, тост — за серп!
Но, любя советский герб,
Пить могёт и из горла —
За двуглавого орла!

Место на земле

1.

Нет мне места в Питере,
Так же, как в Москве!

Не смогли родители
Угодить молве.

Даже здесь, в провинции,
Тесен белый свет.

Для любой амбиции,
Боже, места нет!

2.

Не осталось места на земле,
Ах, куда бы можно бы уехать
И не думать о добре и зле...

Остаётся — просто, ради смеха,
Здесь, где равновесие пока,
Жить, стыдясь родного тупика...

* * *

«Вход» и «Выход». Стою у ворот,
Глядя в даль... Как же так? Вот беда!
Этот вход никуда не ведёт.
Этот выход ведёт в никуда...

Вышивка

Милая деревня.
Хата с краю
Покосилась... Не сдержат слезы...

Я стою
И детство вспоминаю,
И детей, бегущих от грозы...

Их тогда
Упорно и устало
Бабушка на память вышивала...

И они, оглядываясь,
Тут
До сих пор из прошлого бегут...

Гамлет Арутюнян

Гамлет Арутюнян родился в семье двух
ссылных политических заключённых, которые
встретились и поженились на Севере, родили сына
— хирурга и поэта. Гамлет — Академик Академии
Медицинских наук России. Заместитель главного
онколога Красноярского края.

Давняя это и славная традиция русской ли-
тературы — врач становится писателем. Видимо,
есть что-то в этой профессии, отчего душа стре-
мится выразить себя в художественном слове. Это
что-то — ежедневное, ежечасное прикосновение к
тайнам тела человека. И открываются они доктору
нередко в трагические минуты, когда человек на-
ходится на грани жизни и смерти.

Вспоминая деревню Каргино

Мои каргинские печали
Уже давно ушли на дно.
Протоки наши обмельчали,
Лишь по фарватеру — темно.
То косяком, то в одиночку
Ныряют брёвна по волнам.
И чаек сумрачные точки
То здесь проносятся,
То там.
Ещё стрижи над самой гладью,
Крылом касаются воды.
Ещё девчонка рядом — Надя
И ощущение беды.

Мама

Ты прости меня, мама,
Что был тебе в тягость
В то далёкое времечко,
Не помогал.
Лишь питался и спал
Девять месяцев кряду
И узреть белый свет
Я, наверно, мечтал.

Между тем, ты валила
Смолистые сосны
И делила с подружками
Скудный обед.
Так порою тебе
От меня было тошно,
Только всё-таки надо
Было есть этот хлеб.

Был он чёрен и мал,
Был совсем невесомый,
Эта боль, этот хлеб —
Ноздреватый, хмельной.
В нём из каждой ноздринки
Топорщилась совесть
И струилось дыхание
Жизни большой.

Эту чёрную весть,
Что ты — враг народа,
Ты узнала неожиданно
Под сенью рябин.
Было время борьбы
И ещё недорода,
И ещё приближавшихся
Горестных зим.

Что сказать тебе, милая?!
Чем обезболить
Твои зимние роды
В овраге глухом?
Чем тебя мне укрыть
В этой долгой неволе?
Только веткой смолистой,
Только поздним стихом.

Я, конечно, был слеп.
И, как снег, был бескровен.
Только всё-таки вскрикнул,
Не замёрз, не пропал
Среди мёрзлых, сучкастых,
Истерзанных брёвен,
Среди женщин стоящих
Я орал и орал.

Этот крик мой истошный
Забыла Россия...
Всё же мама попала
Из тайги в лазарет.
А ещё чуть попозже
У Бога просила,
Чтобы дал он ей силы
И вышла на свет.

Чубчик

I

Нас в детстве стригли налысо
И было столько слёз:
— Ну, папа,
Ну, пожалуйста,
Ведь я уже подросток!
Хоть чубчик,
Ну, хоть маленький,
Хоть несколько волос...
Машинка больно жалила,
Не в шутку, а всерьёз.
И, солнцем прокопчённые,
Как пёрышки легки,
Слетали на пол чёрные
Кудряшки-завитки.
Отец шутил,
Как водится:
— До свадьбы отрастут...
Икона Богородицы глядела в темноту.

II

Вот так подстригли наголо
Когда-то и отца
И путь пролёг до лагеря
В Сибирские места.
Там были все подстрижены,
Как водится, под «ноль» —
И русые, и рыжие,
И чёрные, как смоль.
Шутил конвойный мрачно:
— До срока отрастут...
И времена барачные
Глядели в темноту.
Ты был задирист слишком,
Похож на главара.
Ты стал врагом, парнишка,
И Бог тебе судья.

III

Но вместо Бога — «тройки»
Решают на паях.
И шлют людишек бойко
В далёкие края.
Страна! Куда ты катишься,
Любимая моя?
Встают в твоей сумятице
Ночные лагеря.
КрасЛаги и КарЛаги,
Алдан и Колыма...
В них люди — доходяги,
Для них страна — тюрьма.
Пакгаузы, пакгаузы.
Этап. Этап. Этап.
И хаос, хаос, хаос —
Имён, названий, дат.
Зимою сгинешь с холода,
А летом — от мошки.
Страна опухла с голода
И сникла от тоски.

IV

Рукой отца подстрижены
С братишкой под «ноль»,
Идём под солнце рыжее,
Идём под летний зной.
Давно нас поджидают
На улице дружки,
Их лысины сияют,
Как будто утюжки.
Терять давно им нечего,
Им даже невдомёк —
Они судьбою мечены
И тоже тянут срок.

V

Конец пятидесятых,
Начало перемен.
И галстуки крылатые
Звёздочек взамен.
И разрешают чубчик,
Как взрослому, носить.
И учат, учат, учат
Родину любить.

Тамара Булевич

Ещё лето...

Ещё в покосах бродит лето,
В любовных трелях соловьи,
Не шлют печальные приветы
С высот небесных журавли.
Но сердце - в осени дождливой,
Туманом застланы глаза:
Ты мимолетно и игриво
О расставании сказал.
И сразу звезды небосклона
Стыдливо спрятались в вуаль,
Они тебя другого помнят,
Другого... звездам тоже жаль.

Не любила

...Прости. Тебя я не любила.
И изменяла, не любя.
Какой-то дьявольскою силой
Тянуло в пекло бытия.
Нисколько не сопротивляясь,
Кидалась, чистая, на грязь...
Страдала, выла, отмываясь,
Вновь верила: придёт мой князь.
А Он не шёл. Не шёл, не ехал.
Нет ветра в алых парусах...
И таяли снежинки смехом
В моих заплаканных глазах.

В осеннем лесу

Я люблю тебя, милая осень,
Твою яркую роскошь тайги
И холмов серебристую просинь,
И озер дождевые круги.
Я в лесу в неумном восторге-
Столько радости и страстей:
От багряной осинки и елки
Пахнет сразу Россией всей.
Задрожала березка нагая
Под вуалью сизых ветвей
И взлетела испуганно стая
Молодых озорных снегирей...
Ветер кружит листву и млеет
На раскинутых лапах пихты-
И очнувшись, несется скорее
Мне подноги:
— Зачем же здесь ты?!

Я выметаю осень за порог

Я выметаю осень за порог
И торопливо хлопаю калиткой,
А ветер свежий, осени дружок,
В лицо мне бросил лепесточек липкий.
Тут я взмолилась: «Милый ветерок!
Замри! Утихомирься на минутку.
Зачем рвешь астру - тихий мой цветок,
К чему твои невежливые шутки?»
Наутро просыпаюсь - неба синь!
Лесное царство инеем искрится.
Хвоинки и листва - у ног босых,
И в ставни весело зима стучится.

Дай, Боже, дай...

Дай, Боже, дай моей стране родной,
Библейским духом, православной верой
Наполниться до горсточки земной,
До зёрнышка и до росинки белой.

Дай плодоносить всем её лугам,
Всем хлебородным нивам, рыбным рекам.
Дай силы познающим труд рукам
И неземной любви для человека.

О, Боже! Заступись за россиян!
Дай им Твоих премудростей, щедрот,
Твой Свет излечит нас от бед и ран,
И станет чистым праведный народ.

Дай, Боже! Дай страдалище России
Святое воспринять Предназначение -
Великой стать ей дай под небом синим
И непреступной Высшим повеленьем.

Дай, Боже, дай моей стране родной
Славянским духом, православной верой
Наполниться до горсточки земной,
До зёрнышка и до росинки белой.

Мария Муравьева

* * *

Она из тех, кому под ноги плащ
Кидают, не задумываясь, в слякоть.
А ты бы научился меньше плакать!
С ней не поможет этот детский плач.

Когда она уходит, ты молчишь,
Покорно ожидая новой встречи.
А ей помогу забыть ключи
Твоей квартиры. И расплавлю свечи
Порочно-терпкие и только для неё.
Ты будешь зря смотреть в окно немое.
У этой ночи нас всего лишь двое,
А над домами вьется вороньё.

Постиранное детство

Я стираю старые игрушки —
Милые воспоминанья детства,
Что когда-то спали на подушке,
А теперь скучают по соседству.

Но сегодня — что за наважденье —
Не закину их я в угол дальний;
Кажется, они мое спасенье,
И последний путь к воспоминаньям.

Вот они висят, чуть-чуть качаясь:
Шалости, ребячество, кокетство...
И кричу я маме, улыбаясь:
“Мама, я нашла дорогу в детство!”

Ночная кошка

Ночная кошка идет по крыше.
Ночную кошку не мучит страх.
Ей снятся звуки над сонной тишью,
Бемоль повис на ее усах.

Она шагает на мягких лапах,
Переступая через карниз.
Ночная кошка не знает страха —
Ночная кошка не смотрит вниз.

Ей снятся нити рояльных клавиш,
В упругом небе скрипичный ключ.

Ночная кошка умеет плакать
Под острый дождь из остывших туч.

Ночная кошка упрямо пишет
Полночный вальс для гитарных струн.
Ночная кошка сонаты слышит
В переплетенье лиловых лун.

Ночная кошка сильней тигрицы,
В ее зрачках золотой рассвет...
Ночная кошка — небылица.
Глаза закрою — кошки нет.

Можно выбросить прошлое

Можно выбросить прошлое.
Просто так. На помойку.
Не жалея о прожитом.
Не грустя о былом.
Можно выбросить прошлое
И устроить попойку,
Знаменуя, что можете
Всё — не глядя — на слом.

Можно память, как тряпочку,
Постирать для грядущего,
Чтобы прошлые помыслы
Не тянули назад.
Словно старые тропочки,
К нелюбимым ведущие,
Позабыть, где счастливым был,
И брести наугад.

Можно прошлое выбросить.
Память начисто выстирать.
Можно тысячу глупостей
Натворить сгоряча.
Всё судьбой оправдается.
Всё годами окупится.
Зарастёт и забудется...

Только чётки стучат.

Серебряная свадьба

Давно я так не напивалась, как на собственной серебряной свадьбе. Жорка — молодец, всё помнит. Если б не он, я бы и не вспомнила, что мы ровно четверть века назад поженились. А ведь вроде такие ещё молодые. Ну — хочется думать, что молодые, очень хочется верить в это, очень хочется — быть...

Эту славную дату Жорка предложил отметить в кругу друзей на новой даче. Не дача — дворец, княжеский замок, окруженный высокой каменной стеной, по углам — башни, в которых сидят охранники с автоматами.

— Добро пожаловать, моя королева! — крикнул Жорка, и стальные ворота распахнулись перед нашим «мерсом», а вслед за нами во двор въехал джип с охраной, а уж потом стали подтягиваться и наши гости, отборные люди, элита, сливки общества. Среди них — и друг семьи Витяня Горелик, и депутат Заксобрания Драченко, и бывший зам. губернатора, а ныне тоже банкир, по фамилии Гусь, и многие, многие другие, всех не упомянешь, да я всех и не знаю, если честно.

Важно выйдя из «мерса», я величаво взошла по мраморным ступеням крыльца (и впрямь как королева), громко произнесла: «Сезам, откройся!» — и большие стеклянные двери сами распахнулись передо мной. В холле благоухали цветы, журчал фонтан, в огромном камине трещал огонь.

— Прощу к столу! — крикнул Жорка, увлекая всех за собой в громадный зал, где столы уже были уставлены всевозможными яствами и напитками. Серебро, фарфор, хрусталь.

И вот уж все пьют за здоровье жениха и невесты, то есть за наше с Жоркой здоровье, и гости потихонечку расслабляются и начинают громко базарить, забыв о светских приличиях. Все они одинаковы — банкиры и торгаши, депутаты и директора заводов, такие же ушлые и удачливые, как мой Жорка, такие же сытые и самоуверенные, купающиеся в деньгах и упивающиеся своей властью. Вместе с ними их бабы — подруги и жёны, которых я тоже знаю всех, как облупленных. Но бабы меня не колышут, я люблю мужиков-настоящих, крутых, таких, как мой Жорка и его друзья. А друзья моего мужа — мои друзья, это факт.

После первых тостов вскочил сам Жорка — разрумянившийся, помолодевший, мальнишеская челка на потном лбу, синие глаза сверкают, — и призвал всех к вниманию, достал из кармана смокинга красную коробочку, открыл её — и торжественно надел мне на палец шикарный перстень с чёрными бриллиантами.

— Майка, это тебе — за верность и любовь! — произнёс он торжественно и чмокнул меня в щеку. — Нравится?

— Усаться можно, — восхищенно прошептала я, так тихо, чтобы никто не слышал, но Жорка расслышал и захохотал:

— Так и знал, что тебе понравится!

И вот с этого-то момента я и потеряла контроль над собой. Стала хлестать коньяк, как пиво, — из фужера, и почти не закусывала, и ржала, как лошадь, вообще вела себя, как последняя дура. Жорке, наверное, было стыдно за меня, но он не показывал вида.

Потом уж, когда пир закончился и гости разъехались — люди-то деловые, да и возраст у всех не тот, чтобы допоздна засиживаться, — тогда Жорка отнёс меня на своих могучих руках в спальню и положил на громадную квадратную койку.

— Спи, алкашка! — сказал беззлобно и собрался уходить, но я его остановила:

— Жора, миленький, подожди...
— Ну, чего тебе, Майка?
— Я так тебя люблю, так люблю...
— Значит, перстень понравился? Что ж, я тоже тебя люблю...

— Нет, я сильнее! Ты такой добрый и щедрый... а я — такая сука!.. — И я всхлипнула, и пьяные слёзы потекли по моим щекам.

— Кончай на себя наговаривать, — добродушно потрепал он меня по мокрой щеке. — Ты моя девочка... моя верная собачка...

— Я сука, сука, — бормотала я, не в силах противиться исповедальной волне, что вдруг захлестнула меня и потащила в пучину. — Ты так любишь меня... Ты мне всё прощаешь, все мои закидоны и бабьи капризы... ты такой замечательный, Жорка... а я!.. а я!..

— Да ладно тебе, дурёха.

— Нет, не ладно, не ладно! Ведь я тебе изменяла — с твоими же друзьями... и не раз!

— А думаешь, я не знаю, — улыбнулся Жора. — Ты всегда была слаба на передок... но я тебя всегда прощал.

— Как? Что ты сказал? Слаба на... А, ну да... ты прав... Я — сука! Но ты не всё про меня знаешь! Помнишь, лет пятнадцать назад, когда вы с Витяней Гореликом только затевали свое первое дело — ну, помнишь?

— Еще бы не помнить. И что?

— Я тогда переспала с Витяней! И я же уговорила его, чтобы он согласился, что шепом станешь ты, а он — твоим заместителем... я это подстроила!

— И молодец, — кивнул Жора. — И умница. Именно этого я и добивался тогда...

— То есть — как?... добивался?... Ты хочешь сказать, что...

— Конечно, — холодно улыбнулся Жора. — Я сам тебя тогда подсунул Витяне — и ты справилась... ты — молодец!

— Нет, постой, — растерялась я, даже слегка трезвея, — так, выходит, это не я соблазнила Витяню, а ты?..

— А какая разница? Муж и жена — одна сатана. Семейный подряд!

— Да, но... но я-то думала, что это я сама... И я потом так переживала...

— Ой, ой, ой. Ты — переживала... А помнишь, Маечка, как в девяносто пятом ты переспала с депутатом Драченко, председателем комиссии по финансам — и сразу же после этого наш банк пошёл в гору... А помнишь, как в девяносто седьмом я тебя подложил в постель самому Гусю — заму губерн-атора? А? Не забыла? Хорошо был Гусь?

— Как? И это — ты?... — Я вылупила на него глаза, не в силах поверить. — Не может быть... А я-то, помню, ещё удивлялась — как это Гусь оказался вдруг у нас дома именно в тот момент, когда тебе срочно надо было мчаться на какую-то важную встречу... Я-то думала, это случайно... стечение обстоятельств... и я в тот вечер, как нарочно, была пьяна...

— А кто тебя напоил? Не помнишь? Ведь не Гусь же... он явился тогда на готовенькое!

— Да, ты прав — напоил меня ты... Но зачем?... Боже мой... какая же я идиотка!

— Майка, ты умница. Ты мой лучший партнер, — искренне произнес Георгий. — Без тебя бы я так высоко не взлетел... никогда б не взлетел!

— Нет, постой, погоди... — бормотала я в полной растерянности. — Сколько ж раз ты меня так использовал? Сколько раз — скажи?

— Да какая разница? Я уже, если честно, и не помню... Могу лишь одно сказать — все твои приключения были организованы мною... всё шло под моим контролем... А как иначе? Разве мог я тебе позволить шалить стихийно? Нет, голубушка, так в бизнесе не бывает...

— Значит, ты использовал меня ради своего бизнеса...

— Ради нашего бизнеса!

— Ты использовал меня как сутенер, — прошептала я, глядя на него с отвращением и страхом, — как последнюю шлюху...

— Как первую шлюху, — мягко поправил он. — Как первую шлюху в городе, в области и во всей Сибири. Ты свои грехи и долги отработала сполна, мы с тобой в расчете. Я горжусь тобой, Майка. Говорю это абсолютно серьезно.

И ведь он не шутил. Я видела по его трезвым синим глазам, что он не шутит.

А мне вдруг захотелось его убить. Нет, не просто резарезать или застрелить, или там отравить... или задушить... И не сразу, а так, чтобы он, гад, помучился... чтобы долго кричал, визжал, извивался от боли. Я зажмурилась — и представила, как Жорку сперва избьют мои верные опричники (а у меня есть такие, в той же охране), как свяжут его по рукам и ногам колючей проволокой — чтоб больнее было! — а потом заташат в подвал, в наш холодильный погреб, где на стальных крюках висят мясные туши... и повесят его на такой же крюк, за его жирный загривок! как свиную тушу! — а потом, а потом... нет, не сразу, а постепенно... сначала все пальцы ему отрежут, на ногах, на руках... потихонечку... а потом — отсекут ему его поганый член и засунут ему в рот... нет! — сначала надо отрезать ему его лживый язык — и засунуть ему в задницу! — именно так! так!.. а потом — выколоть ему глаза... а потом — содрать с него кожу... а уж потом — я сама, собственными руками — вырежу ему из груди его красное, жаркое, бешено бьющееся, трепещущее от ужаса сердце — и разорву его на кусочки!.. нет, лучше не так — не стану его убивать до конца, изуродую только — и пусть доживает свой век уродом... пусть догнивает обрубком...

— Эй, Майка! Ты что, заснула? — И Георгий шутиливо щёлкнул меня по носу.

Я открыла глаза. Мой синеглазый хозяин стоял надо мной.

— Спать в одежде негигиенично, — сказал он, улыбаясь. — Может, тебе помочь?

— Да... помоги... — прошептала я. — Помоги мне раздеться... И, пожалуйста, Жорочка, прости меня...

— За что? — удивился он.

Эдуард РYСАКОВ

Татьяна Дунаф

Карелия

К родному краю сердцем не остыв

Я полюбила это Заонежье...
Холмистое, крутое побережье
И озера заманчивый извив.
Я здесь как будто снова родилась,
К просторам этим сердцем прикипела,
Душа звала измученное тело
Лететь, творить и радоваться всласть.
А воздух теплый, словно молоко,
Разлит в рассвете сгустками тумана.
И нам с тобой еще прощаться рано,
Мне потому так дышится легко!..

* * *

Одинокий, рыжее лес,
Ветер стонет, зовя в дорогу.
Ухожу, оставаясь здесь,
Тороплюсь, подождав немного.
А сентябрь — златогривый конь
Умирает в слепой надежде,

И осенний горит огонь
У подножья горы медвежьей.
В небе лунный огрызок ждал,
Сединой облаков распятый,
Отражения черных скал,
Горизонтом в объятья сжатых.
Не дождался... Растаял след,
Перепутались быть и небыль,
А медведица много лет
Улыбается в темном небе.

* * *

Я трижды на свет летела,
Все думала не сдаваться,
Все билась, как птица в клетке,
В дыму опаленных крыльев...
Пощады просило тело...
Мне было бы чуть за двадцать,
К ногам твоим мертвой веткой
Не падала б от бессилья.
Но что-то велит иначе,
И кто-то за нас решает,
Петлею на тонкой шее
Играет, как будто дразнит...
И пусть ничего не значит,
Что больше бы не дышала,
Когда не была б твоею,
Когда бы была напрасной...
Ну, плачь же дождем по трубам!
Кричи, надрывая связки!
Пусть гордость твоя слепая
Пылает на сотне улиц!
Казалось, не зря мы любим...
И верю я в эти сказки...
Повержена, уступаю
И просто молчу, сутулясь.

Людмила Козлова

Карелия

* * *

Вернусь туда, где холода,
Где ветры злые,
Занавеской у окна
Дожди косые.
Пожар рябиновых аллей
Снега остудят;
Вернётся ветренник-апрель —
Прогонит стужу;
Жара отпустит тормоза -
Напросится попутчиком,
Мечты разбудит, егозя

В кармане рваным рубчиком.
Захочется иных святынь,
Поманит далью....
И только августа полынь
Аукнется печалью.

Кошка-ночь

Ночь роскошной чёрной кошкой
Подкралась на мягких лапах.
Ягод полное лукошко
Набрала в болотных марях.

Есть черника, костяника,
Клюква, жимолость, брусника...
Вот беда: в лукошке кошки
Дно дырявое немножко.

Ягодки не стали ждать -
Шашь сквозь дырку и бежать.
Разбрелись по небу крошки,
Хитро смотрят нам в окошко,

Блещут ярко, как серёжки,
И подмигивают трошки...
До утра их будет кошка
Собирать в своё лукошко.

Австралийское издание «Витражи» в Карелии

Когда в июле в издательском медийном проекте «Интеллигент» наступила пора каникул, то начались презентации тех изданий, которые стали тесно сотрудничать с нашей медийной группой.

Писателям и читателям были продемонстрированы многие издания, с которыми у медийной группы «Интеллигент» были в 2012 году налажены сотрудничество. Это и интересный альманах из Украины «Саксагань», город Кривой Рог, издательские ресурсы из Финляндии, США, а так же различные издания из российских городов Омска, Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара, Красноярска и т. д.

Однако акцент на всех презентациях был сделан на журнал «Витражи» из Австралии, город Мельбурн. Во-первых, в представленном номере журнала из Австралии были опубликованы уже хорошо знакомые читателям нашего проекта авторы из австралийского ЛИТО «Лукоморье», которые представили уже как хозяйка своего издательского ресурса. Естественно, что тут был особый подход к их авторским подборкам, как к демонстрации их таланта и просто творчества. Во-вторых, в этом номере журнала участвовали представители нашей медийной группы, а это Наташа Крофтс из Австралии, город Сидней. В журнале дана интересная информация о медийном проекте «Интеллигент» и представлена подборка участников проекта, притом, там в основном были представлены авторы из Республики Карелия. По этой-то причине, презентации журнала «Витражи» прошли именно в Карельских городах - Костомукше и Петрозаводске.

Журнал вызвал уважение своим не только солидным полиграфическим исполнением, но и по содержанию оказался очень оригинальным, насыщенным интересными писателями и авторскими художественными работами со всего земного шара.

Так же емко в журнале «Витражи»,

творчески были представлены авторы из Карелии. Так Сергей Пашков, из города Костомукши, был представлен там не только как учредитель проекта медийной группы «Интеллигент», но и как поэт, как интересный художник и духовный сказитель. Андрей Сунгуров был представлен как прекрасный детский писатель Карелии, а также были представлены интересные подборки стихов Наташи Лайдинен посвященные земле Израйля и Дины Лебедевой, все три автора из Петрозаводска. Вот потому эти презентации журнала из Австралии «Витражи» с большим интересом встретили в карельских городах, а Андрей Сунгуров, Наташа Лайдинен, Сергей Пашков и Дина Лебедева с большим воодушевлением представляли этот журнал авторам и читателям в Карелии.

Надо сказать, что журнал получил прекрасную оценку у многих карельских авторов, издателей и читателей, что свидетельствовало и об успешных презентациях этого журнала, с которым будет продолжено дальнейшее сотрудничество. Как выразилась Наталья Лайдинен: «Очень приятно осознавать, что где — то в далекой Австралии не только не забыли русский язык и на его основе там люди занимаются творчеством, но такими обмелами материалами, поддерживают живую связь с Россией и участвуют активно в мировом русском творческом процессе!»

Участники проекта медийной группы «Интеллигент», авторы и читатели из Карелии, лично Сергей Пашков и Лена Пархоменко, искренне благодарят всех членов ЛИТО «Лукоморье», города Мельбурна (Австралия) и лично Залмана Шмейлина, за сохранение русской культуры в их творческом самовыражении.

Карелия

Сергей Груздев

Родился в Карелии, в местечке Заонежье. С 1967 года живу на острове Валаам. Работаю электромонтёром. В свободное время, по настроению, пробую рифмовать слова. Что из этого получается – судить вам. Остров свой очень люблю. Каждый человек в жизни должен найти свой уголок на Земле, где бы он постоянно чувствовал неразрывную связь с природой, с космосом, с Творцом. Для меня эта земля — Валаам!

Большой неожиданностью для меня было, когда на Седьмом Православно-патриотическом конкурсе «Сердце России» в Березниках, летом 2011 года, мои стихи в номинации «поэзия» заняли первое место. В 2011 году, благодаря помощи известного в России вертолётчика и друга Валаама Вадима Базыкина, я выпустил книгу стихов: «Пристань ищущих душ».

Деревенька моя

Деревенька моя, в землю вросшая.
Позаброшена, как ни кричи...
И церквушка стоит — перекошена,
Да хозяйствуют всюду грачи...
Я приеду сюда успокоиться,
В босоное детство нырнуть,
Здесь медвяные травы до пояса —
Хорошо в них немножко «соснуть».
Позабыть на мгновенье все горести —
Жизнь не мачехой, мамкою звать...
Эх, уснуть бы навек.. Только вскорости
Вновь в немилую жизнь уезжать.
А потом будут сниться ночами,
С укоризною глядя в глаза: крест,
С проткнутыми им небесами,
Почерневших икон образа...
Птицы белые машут крылами —
То ли ангелы, то ль сизари?
Закричать бы, заплакать о маме,
Той, далекой... из «детства зари».
Все мы выросли, стали сироты,
Скоро сами уйдем в «никуда»,
Но до боли сердечной охота,
Хоть бы раз возвратиться сюда.
Посмотреть на поля, на Россию,
На детей и на внуков взглянуть,
Запах Родины, горько-красивый,
Как забытое что-то, вдохнуть...
Но все это, конечно же, сказка.
Мы уходим туда — навсегда.
А сегодня мне снится ромашка,
И деревня — беда не беда...

* * *

Затуманило всё, затуманило,
Заварило крутым кипятком.
Что-то голову мне задурманило,
И печаль подкатилась тайком.

То печаль, то разлука сердечная,
Не залить мне кручину вином.
Давит сердце тоска бесконечная,
И змеёю шипит: «Поделом...»

Не искал я любви той, непрошеной,
Что пришла среди ночи сама.
Ты, как юность, явилась, Хорошая,
И свела, как ведется, с ума...

Счастье — счастье, ты где, сумасшедшее?
Мимолетом коснулось души.
И уплыло, как время прошедшее,
Бесполезно кричать: «Не спеши...»

Бесполезно виниться и каяться —
Всё бурьяном-травой поросло.
А душа всё надеждою мается,
Всем смертям и разлукам назло...

* * *

Я болью лечусь
От различных недугов,
От праздных затей,
Нищеты равнодушья,
От скорых друзей,
Тех, что прячутся в угол,
От низких страстей,
От наживы удушья.
Я болью лечусь...
Пусть она не проходит,
И жалит змеёй,
И острей будет перца,
Покуда живу,
Пусть со мной она бродит,
Горячая —
В зоне стучащего сердца.
Я к ночи от боли
Почти умираю,
А утром, как «Феникс»
рождаюсь из пепла,
И снова туда,
Где любовь возгорает,
С молитвой, с мольбой,
чтобы Вера окрепла.
Я Болью лечусь...

Осень на Валааме

Вновь небеса приблизились к земле,
Слились у горизонта в поцелуе.
А осень брызжет капли на стекле,
И лужи во дворе дождём рисует.

У тропки незабудки средь листвы,
Притихли, как ушедшие мгновенья.
А сосны ждут от неба синевы,
Как ждёт слепец во Господе прозренья.

И ветер вновь в чести, он правит бал,
И из земли с корнями рвёт берёзы.
И гонит волны вдаль за валом вал,
И брызги над водой, как чьи-то слёзы.

Над озером я слышу крики птиц.
То чайки, упиваясь непогодой,
Несутся ввысь, не ведая границ,
Безумствуя в соитии с природой.

И листья, словно птицы — вниз и вверх,
Куражатся в восторге круговерти
Осенний день. Небес разверзлась твердь,
Вдруг солнца луч,
как отвержение смерти...

* * *

Пока горит свеча,
Я буду жить.
Любить друзей,
Боготворить любимых.
Живительную влагу
Жизни пить.
Врагов прощать
«Всамделишных»
И мнимых.
Пока горит свеча
Я буду петь.
Добром пусть
Ваше сердце
Отзовется.
И в небо взором
Искренним смотреть.
И воду пить
Небесного колодца.
Пока горит свеча,
Огонь я поддержу!
И жив покуда,
Буду славить Бога!
Но, тайну не открою,
Коль скажу,
Как тяжела,
Трудна к Нему,

Санкт- Петербург

Юлия Рудомазина

Заклинание змей

Маяковский заклинал змей,
Играя на своей сломанной
Флейте-позвоночнике.
Ходил по битому стеклу.
Ходил по горячим углям.
Ранил ступни, а затем
Обжигал свежие раны.
Он смеялся над теми,
Кто жалел его и предлагал
Бинты, перевязки и мази.
Он недоуменно качал головой
И сокрушённо вздыхал,
Когда ему предлагали
Взять новую, целую флейту.
«Что», - думал он, - «эти люди
Могут понять в таком деле
Как Заклинание змей?».

Адмиралы

посвящение

Несколько вечностей пройдут.
А самая длинная и мучительная вечность
Пройдёт в вагоне.
Мне принесёт чай проводница,
Безумно похожая на Эллен Помпео
Она задорно улыбнётся через плечо
Моему соседу с верхней полки.
Он проспит почти всю дорогу
И рано утром выйдет в Крыжополе.
Но мне нет до него дела —
Ведь за этой
Самой утомительной вечностью
Наступит ещё одна,
Самая долгожданная, вечность.
Она начнётся с неслова
И продолжится после.
С привкусом красного вермута
И чёрного хлеба.

Той же ночью, лёжа в постели,
Я повернусь к тебе и скажу:
«Слышишь шорохи? Это в темноте
Шагают безногие адмиралы»
Ты согласишься со мной
И непременно отметишь, что
Шаги адмирала Беллинсгаузена
звучат солиднее,

Чем у вице-адмирала Корнилова,
Я улыбнусь.
А ты скажешь, что я улыбаюсь красиво.
Утром за окном начнётся очередная
Великая революция,
Но мы не обратим внимания
На такие глупости.

Karma Police

Одинокий
След
Беглый
Отражает
Свет
Лунный
Прошлогодний
Лист
Ференц
Танцует под “Karma Police”
Вместе
Со мной
А за нами наблюдает
Кто-то злой
С надзорною
Надменною трубой
Урам, Лист,
Обернитесь!
Он там!
Арестуйте его, -
Он нам всё поломал
Он всё здесь порушил
Он тяжело дышит,
Словно старый
Приёмник радиоволн,
Который он
Тоже испортил...

42-я улица - Ыйджонбу

Кап. Кап.
Ботинок зачерпнул из лужи,
Будто нарочно
Решил захлебнуться
В предвкушении долгой прогулки
От 42-ой улицы до Ыйджонбу
Кап-кап-кап
Растерзанное пианино
В одном из тех весёлых мест,
Где можно получить драку
Или стакан чего-то пресного
Ведь без гочучжан
Даже джин не имеет вкуса
Для тех, кто на пути
От 42-ой улицы к Ыйджонбу
Кап. Кап. Кап.
Дождь намочил короткие волосы —
Шляпа осталась на барной стойке
Но не беда — добрый дядюшка
Подарит фуражку
А шляпы...
Шляпы нынче не в моде
От 42-ой улицы и до самого
Ыйджонбу
Кап...
Вот и вылился день
Остаётся только лечь спать
В квартирке на 42-ой улице,
Чтобы одним туманным утром
Проснуться уже в Ыйджонбу...

Девяносто девять пенсов

Сэр Эндрю Кларк Шестой пребывал в крайней степени раздражения. На совете директоров Кампании было решено: кто-то должен лететь в Москву. И этот кто-то – по обоюдному мнению Синдиката Дряхлых Бельх Воротничков – почему-то должен был быть именно он. Как самый младший партнер, да, сэр!

Сэр Эндрю Кларк Шестой на протяжении всех своих неполных тридцати шести лет ни разу не перемещался в сторону Востока. Запад казался ему гораздо надежнее и обходительнее. Что же касается России, то жизнь на этом далеком континенте казалась сэру Эндрю примерно такой же опасной, как пребывание в диких джунглях или в заснеженных краях вечной мерзлоты. А скорее – и то и другое вперемешку. Понаслышке он знал, что в Москве по улицам бродят медведи в ушанках, с водкой и гармошками, и даже фамилия нынешнего предводителя тамошних аборигенов – Медведев.

Несчастья повалились на сэра Эндрю словно из рога изобилия с той поры, как его папаша, Сэр Эндрю Кларк Пятый, проиграл в покер все наследство предыдущих поколений подчистую, и, не оставив сыну ничего кроме титула и долгов, отправился вслед за теми, кто это наследство упорно наживал многолетними биржевыми махинациями. А посему, Сэр Эндрю Кларк Шестой, баронет и эсквайр, в прошлом – баловень судьбы, а ныне всего лишь человек, не имеющий даже личного дворцового, вынужден был ежедневно посещать службу да еще и подчиняться дурацким указаниям Синдиката Дряхлых Бельх Воротничков.

Чертыхаясь на чем свет стоит, Сэр Эндрю Кларк Шестой вытащил на свет божий ничем не примечательный темно-синий чемодан и начал собираться в дорогу.

Алка дрожжащими руками напряженно выгребала из карманов завалевшуюся там лондонскую мелочь. И терзало ее жуткое помельше после празднования «Последнего Дня Отпуска В Англии». Деньги были профуканы все, абсолютно – «апсалютли», как тут в Британии говорят. Пересчитав гроши, Алка решила не унывать. На кофе и завтрак в аэропорту хватит, выпивку в самолете бесплатно подают, а в родной Москве можно снова настрелять денег в долг и спокойно отмечать «Первый День Прибытия После Отпуска В Англии».

Чемодан был тяжел, словно набит кирпичами, а голова казалась наполненной шипами кактуса. Стоя в аэропорту Хитроу в очереди на регистрацию, Алка считала минуты, когда можно будет, наконец, добраться до заветного прилавка с «кофиём». Впереди меланхолично читал газету моложавый «инглиш». Такого с нашими не спутаешь: прилизанный, причесанный, в светло-серо-жемчужном верблюжьем пальто и шарфике в тон, а главное – в белых замшевых ботинках! Во, кретин, думала Алка, вяло разглядывая мужика, это в Москву-то, да в межсезонье, в нашу грязьню и слякоть... Плакали твои ботиночки... Бросив взгляд на багаж британского чудака, состоявший из одного единственного чемодана, Алка заметила симпатичный оранжевый замочек и встрепенулась: замочек-то! Насколько дней назад она приобрела хорошенький блестящий никелированный замочек для багажа в популярном среди ее зарубежных подруг магазине «99 пенсов». Не очень доверяя товарам китайского производства даже здесь, в Англии, Алка все же пошла на поводу – местные подруги уверяли ее, что «Китай для Англии – это совсем не то, что Китай для вашей России». И снисходительно так улыбались. И Алка решила: ладно. Замочек пусть будет в их пользу, все равно он понадобится, да и трата невелика. С трудом выудив упаковку с замком из бездонной женской сумочки, Алка, преодолевая нещадный тремор в пальцах, стала вскрывать пластмассовую упаковку. Когда же ей, наконец, удалось содрать прозрачную шелуху, удивлению ее не было предела. Вместо дырочки для дужки, в замке не было ничего. То есть дужка была, но дырочки, куда ее вставлять, чтоб замок закрыть – не было! Немало изумляясь такому неожиданному ходу великой китайской мысли, Алка, на своем наипаршивейшем английском попросила стоящего впереди нее того самого «инглиша» последить за ее чемоданом и помчалась напрямиком в ближайший киоск, дабы приобрести замок в рабочем состоянии. К счастью, нужное тут же и нашлось. Выбор, правда, был не велик, но оранжевый швейцарский замочек вполне Алку устраивал. Потому что, глядя на марку страны-производителя, не возникало и

тени сомнений по поводу исправности сего механизма. Вернувшись в очередь, Алка поблагодарила соседа и принялась прилаживать покупку к чемодану. «Инглиш» буркнул из-за газеты «велкам», но Алке уже было наплевать на его малое дружелюбие, близилась стойка регистрации, а за ней – избавление от багажа и заветный буфет, где можно, наконец, пропустить кружечку горячего кофейку, на время унять похмельный тремор и гул в бедовой голове. На паспортном контроле Алка обскакала меланхоличного и медлительного «инглиша» – тому, видно, спешить было некуда – и устремилась к буфетной стойке.

– Будьте добры, кофе, – начала было она, но спохватившись, что тут еще совсем даже не Москва, спешно поправилась, – Э кап оф кофе, плиз.

Сзади послышались смехи, но Алка, не обращая внимания, ухватила теплый бумажный стаканчик пристроилась за столик.

– Ты откуда? То есть – куда? – раздалось над ухом.

Двое симпатичных парней стояли и разглядывали ее.

– В Москву, – ответила Алка. – Из Москвы!

И все втроем рассмеялись. Оказалось – летят они одним и тем же рейсом. Алка обрадовалась – не придется скучать в поднебесье.

В салоне самолета ее новые знакомцы развили бурную деятельность. Они умело обменяли места, чтобы ей оказаться с ними рядом. Они заказали напитков и закуски в бортовом магазине. Они готовились к полету всерьез, они не хотели терять ни минуты драгоценного времени, а провести его с пользой – к максимальному взаимному удовольствию. И понеслось – поехало! Коньяк греческий, шампанское французское. Шутки-прибаутки... Алка хохотала как безумная. Ребята оказались такими милыми! К тому же намечался роман – тот, который сидел рядом, недвусмысленно брал ее за руку при любом удобном случае. Поскольку ничего серьезного в Лондоне Алке зацепить не удалось, а в Москве, кроме двух «бывших» ее никто не ждал, она сочла новые знакомства самыми благоприятными обстоятельствами.

Сэр Эндрю Кларк Шестой безуспешно пытался заснуть в самолете. Безумные русские, коих в летающем бараке набралось подавляющее большинство, скупили, похоже, весь бар и решили, вероятно, выпить приобретенное непременно здесь, на борту. Шум и гам стоял как в королевском птичнике, девочки хохотали визгливо, будто гиены, а почтенные, казалось бы, матроны, поминутно сновали по узкому проходу в туалет и обратно, утирая покрасневшие, опухшие лица. Сэр Эндрю отгородился от этого балагана газетой. Предвкушая еще два часа лету в ликующем зверинце, он вновь и вновь нещадно костерил Синдикат Дряхлых Бельх Воротничков.

Саму посадку Алка не запомнила – увлеченно целовалась с соседом. Но пограничный контроль прошла, собравшись из последних сил и с трудом подавляя глупое хихиканье. У ленты с багажом Алка вновь заметила хмурого «инглиша» в белых ботах. Тот уныло взирал на ползущие чемоданы, дожидаясь своего. Отметив про себя, что не зря говорят, насчет иностранцев, будто все они – зануды, Алка, при помощи новоиспеченного кавалера ухватила свой синий чемодан, горделиво сияющий оранжевым фонариком нового замочка, и устремилась на выход, где ее ожидали приятные приключения с неперенными застольями. На улице решали – как и куда ехать, в итоге получились: Алка и Максим (новый ухажер) поедут прямо к ней, а Коля приедет попозже – ему нужно непременно заскочить домой и переодеться.

Сэр Эндрю Кларк Шестой недоуменно смотрел на медленную багажную ленту, по которой уже в который раз прополз единственный оставшийся невестребованным чемодан. Видно какой-то пьянчуга, так и уехал домой без багажа. Однако его собственного чемодана не наблюдалось нигде! Куда же мог подеваться чемодан сэра Эндрю? Сомнений не было – его сперли! Чего и следовало ожидать! В дикой стране, с медведями, упившимися паленой водкой, где царит беззаконие и беззаконие, у любого приличного человека могут запросто увести чемодан, причем, напрямиком из самолета.

Сэр Эндрю обреченно вздохнул и пошел искать представителей местных властей.

По дороге домой Алка и Максим посе-

тили продуктовый магазин и затарились на славу. Вечер обещал быть весьма томным. О дружочке Николае они уже думать забыли и целовались в лифте с нетерпением, присущим лишь только что познакомившимся парочкам. Ворвавшись в квартиру, они засуетились, как преступники у свежего трупa. Однако, Алке захотелось все же сначала блеснуть перед Максимом во всей красе парадно-выходного платья, прежде чем показаться кавалеру без оного. Платье мирно покоилось в чемодане, Алка вытащила из сумки ключик с целью открыть новенький замок. К немалому ее изумлению, ключик никак не желал попадать в предназначенное ему гнездо. Алка призвала на помощь Максима – и все безрезультатно. Ключ и отверстие замка не совпадали! С Алки слетел последний хмель, романтика обстановки улетучивалась как ненадежный утренний туман. Потные, раскрасневшиеся от тщетных усилий и злые сидели они нелепо на корточках возле заколдованного чемодана.

– Слушай, а это вообще, твой чемодан? – внезапно спросил Максим, закуривая сигарету.

– А чей он, по-твоему? – мгновенно завелась Алка и осеклась. Присматривалась она к чемодану все внимательней и спина ее холодела. Чемодан был темно-синий и квадратный. А собственный Алкин был, как помнится, суженный кверху и довольно яркий – цвета, так называемой «берлинской лазури». Оранжевый же, новехонький замочек, по которому собственно и был чемодан опознан Алкой в аэропорту, задорно торчал, словно дразнящийся высунутый язык.

Сэр Эндрю Кларк Шестой на своем безупречном английском языке уже битый час пытался объяснить непредсказуемо меняющимся дежурным теткам в синих почему-то передниках, ситуацию с пропажей чемодана. Но видно тетки попадались все какие-то не те, так как пугались незнакомого языка и убежали, со страхом поглядывая на белые боты сэра Эндрю. Наконец, одна из них, украшенная гербовыми значками, распознала-таки слово «леггидж», то есть «багаж», и повела его по длинным коридорам куда-то в глубинные недра аэропорта. Втолкнув, и весьма nepочтительно, сэра Эндрю в комнату, сплошь заваленную различной конфигурации предметами: чемоданами, баулами, сумками, мешками, кутулями разной длины и объема, коробками, тубусами, пластиковыми кейсами, она поспешно ретировалась. Баронета весьма поразило количество и разнообразие утерянных предметов багажа. Несколько гитарных чехлов томились тут же. Даже валторна, позабытая нерадивым хозяином, свернулась клубком в углу, будто мелкий одинокий удав. За письменным столом, под светлым пятном согнутой в три погибели лампы восседала очередная служащая в гербах. Бумажные горы, покрывающие стол, не мешали, однако, даме закусывать жирным кремовым тортом. Авиаработница с аппетитом жевала, запивая сладкое масляное месиво чаем из огромнейшей, не очень-то чистой, кружки. Дама посмотрела на Сэра Эндрю с отвращением.

– Вам что, гражданин? – прозвучали непонятные слова.

На своем безупречном английском, сэр Эндрю вновь начал объяснять ситуацию с чемоданом. Дама с удивлением вытаращила глаза и заорала, как потерпевшая: Маня!! Маань!

Сэр Эндрю начал было извиняться, думая, что чем-то испугал чревоугодливую аборигеншу, но тут явилась еще одна особа женского полу – вероятно Маня.

Далее диалог шел на непонятном сэру Эндрю Кларку Шестому русском языке.

– Чего звали, Тамар Никитишна?

– Да тут какой-то иноземец заблудился!

И носит их, что дома не сидится? Узнай, что он хочет.

– А на каком языке-то он говорит?

– А я почем знаю? Английский вроде!

– Да я Тамар Никитишна, кинглиш -то не очень, в школе «дойч» учили!

– Так и я «дойч» – будь он неладен. А все одно – не помню ни хрена! А в нашей смене кто инглишу-то спикает?

– Да какое – нет никого! У Ленки дочка заболела, Райка пораньше отпросилась – свекруху из Козлищенска встречать нужно...

– Так что ж делать-то с ним? Сам не уйдет!

– Ладно, попробую я, – сжалилась Маня.

– И то дело! А я пока Толику позвоню, с милиции нашей, он вроде инглиш знает, как встречу его, так то «бай», то «хелло» говорит.

Тамара Никитишна начала яростно тыкать в телефонные кнопки, а Маня тем временем обернулась к сэру Эндрю.

– Вот ду ю вонт? – с трудом выдавила она из мозговой подкорки вопрос.

Услышав родную речь, хоть и сильно искаженную, сэр Эндрю на радостях разразился длинной и пространной тирадой, повествуя обо всех своих злоключениях.

Маня, с застывшей от ужаса и непонимания улыбкой, кивала как китайский болванчик.

Сэр Эндрю Кларк Шестой закончил речь и в ожидании воззрился на Маню. Та мычала нечто невнятное. Неизвестно чем закончился бы сей диалог, но тут дверь растворилась, и в комнату проник милиционер по самой что ни на есть «по форме». С его появлением стало значительно меньше пространства – мужик был весьма крупный, розовощекий, пышущий здоровьем и деревенской радостью.

– Чего тут у вас, Тамар Никитишна? – весело пробасил детина, возвышаясь горой над худощавой и невысокой личностью потомственного аристократа сэра Эндрю Кларка Шестого.

– Так вот, британец потерялся! Ты говори с ним, умеешь ведь!

Детина обрадовался как ребенок. Мощной лапой он отгреб сэра Эндрю за плечо и зарорал жизнерадостно ему прямо в ухо: Хау ду ю ду, камарад! Ду ю лайк азур сити Москау??

От этих завываний сэр Эндрю потерялся окончательно. Холодный пот пробил его, когда он представил себе картину, как этот неандерталец поволочет его в тюрьму ни за что ни про что. И сэр Эндрю зачастую скороговоркой, обращаясь к служителю порядка, убеждая его в том, что он ни в чем не виноват, а наоборот, неизвестное лицо украло у него, сэра Эндрю чемодан...

Милиционер слушал внимательно, не перебивал и кивал одобрительно, с пониманием.

– Неужто, наконец, мои мучения закончатся? – мелькнула зыбкая надежда в сердце неудачливого баронета.

Но судьба не была благосклонна в тот день к сэру Эндрю, потому как вскоре выяснилось, что brave voyak тоже ничеготошеньки не понимает из того, что ему говорят...

Алка, чертыхаясь, перла чемодан по московской слякотной грязи. Кавалера под названием «Максим» как ветром сдуло, когда выяснилось, что она умыкнула из аэропорта чей-то неизвестный чемодан. И неважно, что случайно... Мало ли что... Алка выслушала эту жалкую тираду и с презрением выгнала самолетного приятеля вон. «Так тебе и надо! – ругала она себя, – Разве может быть что-то путное с тем, с кем знакомишься в транспорте?» И, схватив чемодан, она поволокла его обратно, в аэропорт, дабы обменять на свой собственный, обратно.

Преодолев кордоны и преграды, Алка, злая и запыхавшаяся, ворвалась в уже известную нам комнату хранения утерянного багажа и с порога заорала: «Я перепутала чемоданы!»

И только в сей момент она заметила, что в комнате подозрительно много народу. Четыре головы враз повернулись на ее призыв ко вниманию. И восемь пар глаз смотрели с надеждой утопающих, увидевших шлюпку. Алка выдвинула чемодан вперед. Один из четырех бросился к нему, как к родному дяде, и Алка узнала в человеке того самого манерного «инглиша» в белых ботах! Так вот чей чемодан она увезла случайно! Жалость прихлынула к доброму женскому сердцу чистейшей славянской породы. Живо представила она, как бедняга «инглиш», не умея сказать ни слова на нормальном русском языке, пытался по своему, по-тарабарски объяснить нашим про этот idiotский чемодан! А наши-то и по-нашему иной раз не очень кумекают, а тут и вообще! И Алка, собрав весь свой скудный словарный запас английских слов начала горячо извиняться. Сэр Эндрю Кларк шестой, услышав вновь родную речь, не смог больше сдерживать своих чувств. Он бросился на шею Алке, позабыв начисто правила поведения истинных джентльменов в обществе и бурно зарыдал.

Сэр Эндрю Кларк Шестой, натерпевшись бед, но благополучно возвратившись на Родину, поставил строгое условие Синдикату Дряхлых Бельх Воротничков: на наотрез отказывается летать на Восток. Куда угодно, на какой угодно срок, любые дела, но только не восточный сектор, да, сэр!

Ну, а Алка... Что ж, она, как истинная леди, никогда и ни в чем не перечит своему мужу!

Екатерина АСМУС

Детская страница

У Анны Викторовны были все причины волноваться.

Оба её сына вдруг увлеклись роком. Не магическими, таинственными предсказаниями и не астрологией, а рок-музыкой.

Но Анна Викторовна особой разницы тут не видела.

И то, и другое, по её мнению, ничего хорошего не предвещало.

Ну в самом деле, лучше бы играли в футбол!

Но ворчать было бесполезно. Каждый день братья, забыв про уроки, просиживали перед компьютером. Что-то слушали, переписывали, сочиняли, а потом играли на подключенном к компьютеру электропианино.

Анна Викторовна даже хотела пожаловаться мужу. Но неожиданно передумала. Просто однажды зашла в комнату к сыновьям, а старший вдруг как закричит «йес!».

Анна Викторовна так и осела, прижалась к косяку двери.

Старший увидел, скорее к ней, усадил её в кресло и ну тарыхтеть.

— Ма, ты только послушай! Послушай, что он выдаёт! Какие басы! А проигрыш! Ма! Держи!

И надел ей наушники.

Вначале то, что она услышала, ей совершенно не понравилось. Слишком было громко, слишком резко ударило в голову. Она попыталась наушники снять. Тут младший сообразил, в чём дело, и поубавил звук. Оба выжидательно устались на неё.

Мальчишек своих Анна Викторовна любила. Даже на велосипеде научилась кататься уже будучи взрослой женщиной. Когда Славка на двухколесный пересел. Ну как его догнать, если сама не умеешь кататься! А уж с Андрейкой они носились наперегонки.

Рок для мамы

Вот и сейчас, она подумала, что всё-таки это то, что её мальчишки любят. Надо бы разобраться. Вдруг что-то её в этом шуме и гаме зацепило. Вспомнилось вдруг детство и она, маленькая, первый раз в кино. Что-то было в этой музыке от мексиканской песни, которая звучала тогда. Шум постепенно утих. Нет, музыка всё по-прежнему громыхала. Просто она вдруг начала её слышать.

— Ну, как?! — дружно пристали братья, как только закончился трек.

Анна Викторовна сняла наушники и с удивлением посмотрела на своих мальчишек.

— Здорово, — растерянно проговорила она.

— Ма! А вот это? — спросил старший, тут же опять надел ей наушники и включил следующий трек.

Музыка не зазвучала, она взорвалась в её ушах, вначале волна пошла по голове, потом по рукам, потом к груди и заполнила всё тело.

Анна Викторовна от ужаса закрыла глаза.

— Так же сердце может не выдержать! — промелькнуло у неё в голове.

Потом было «не потерять бы сознание», а дальше...

Дальше произошло то же, что и в первый раз. Вдруг хаос и какофония обрели свой порядок и некоторую стройность, даже угадывалась мелодия. Волна, накрывшая при первых аккордах, отхлынула. Может потому что младший опять сделал потише. Она почувствовала, как кто-то из сыновей попытался наклониться к ней, видимо, чтобы снять наушники. Анна Викторовна, не открывая глаз, жестом остановила их. Показала большой указательный палец, — мол, всё в порядке.

А потом она увидела шторм на море. Тот самый, благодаря которому познакомилась со своим мужем. Угрозидило же её тогда забраться на пирс! А вернуться на берег при таких волнах как?! Так же гудело море, так же с диким грохотом разбивались волны о камни, доносился звук покореженного железа. Этот звук был почему-то особенно страшным. Вместе с каждым ударом разбивалась и её надежда на спасение. Но Севка умудрился до неё добраться. Потом ребята рассказывали, как он быстро придумал страховку, как они закрепили канаты на берегу, как попеременно то отпускали, то натягивали их, пока Севка осторожно шёл по такой тонкой в шторм полоске пирса, держась за мокрые скользкие перила, и казалось, его в любой миг может снести волной в бушующее море или разбить с размаху о камни пирса. Она этого ничего не видела и не помнила. Точнее помнила только этот грохот и гул, голос Севки — «главное, не бойся!» — и его сильные руки, когда он подхватил её, усадил к себе на спину, крикнул «держись!» и понёс на берег. А самое главное — счастье! Необыкновенное, небывалое счастье!

Анна Викторовна почувствовала, как сбежала по щеке слеза.

Прошло положенных три минуты. Трек закончился.

Анна Викторовна открыла глаза. Славка с Андрейкой пристально смотрели на неё, и в глазах их ясно читались испуг и любопытство.

— Ма! Ты как? — с опаской спросил младший.

— Нормально! — спокойно отозвалась Анна Викторовна.

Екатерина Лазаренко

Родилась в Москве, в замечательной творческой семье. В 1999 году я закончила Литературный институт им.М.Горького. В 2004 — получила 3-ью Премию Всероссийского конкурса на лучшую детскую книгу о животных, проведенного Издательством «ОЛМА-ПРЕСС» совместно с Союзом писателей Москвы и Российским отделением Международного Совета по детской книге России, в 2009 — была опубликована сказочная повесть «Самый верный кот на свете». Сейчас уже есть другие публикации и награды, но, как каждый автор, я с нетерпением жду новых.

— А что это было? — тут же переспросила она.

Братья назвали ничего не говорящее ей название.

— Давай следующий! — скомандовала она. И глаза её мальчишек засветились счастливым благодарным светом...

Через год Анна Викторовна уже легко разбиралась в группах, исполнителях и даже кое-что понимала в направлениях.

Правда, она до сих пор не сразу вспоминает некоторые фамилии, иногда, по её мнению, больше похожие на клички, но, если вы хотите послушать настоящий рок, обратитесь к Анне Викторовне, она подскажет.

Самый смешной сон

Сквозь окно большой комнаты в квартиру пробрался лунный Лучик. Он тихонько подошёл к дверям спальни. Дверь была закрыта не совсем плотно и Лучик смог через узкую щёлку пробраться внутрь.

Мальчик в кроватке вдруг заворочался, повернулся на другой бок, причмокнул и тихонько засопел. Лучик очень осторожно на цыпочках прямо по воздуху прошёл в спальню и улёгся на подушке рядом с плюшевым котом. Затем он попытался натянуть на себя краешек одеяла и укрыться.

Кот сердито покосился на лучик и сердито зашипел:

- Але, луч, чего тебе тут надо?

- Тс-с-с... - шёпотом сказал Лучик, - Тише, не пугай меня. Я и так боюсь...

Кот так удивился этим словам лучика, что захлопал большими ресницами и широко раскрыл глаза.

- А чего ты боишься?

- Не чего, а кого,- сказал Лучик. - Я не знаю его имени. Это какой-то странный тип, он все время ходит за мной, страшно ухает и корчит противные рожи!..

- А он человек? Или зверь какой-то?

- Не знаю, - сказал Лучик, - я его никогда внимательно не рассматривал. Как только он появляется, я сразу убегаю и прячусь...

- Ух ты, - сказал Кот, - кажется, теперь и мне тоже стало страшно. А ведь я всегда очень-очень храбрый и ничего не боюсь. Я хоть и плюшевый, а все-таки Кот. Практически маленький тигр!..

Тут дверь в спальню тихонько скрипнула и приоткрылась.

Лучик и Кот мигом нырнули под одеяло.

- Кот, а давай разбудим мальчика, - еле слышно прошептал Лучик, - пусть он прогонит этого страшилку с его рожами.

- Если мы разбудим мальчика, - так же тихо сказал Кот, - то я не смогу разговаривать и двигаться. Я же на самом деле не настоящий. Стоит только ему проснуться, как я опять стану обычной игрушкой...

- Да уж, - грустно сказал лучик, - ситуация не очень...

Они замолчали, прислушиваясь к тому, что происходит в спальне. Затем очень-очень осторожно высунулись из-под одеяла и огляделись...

И сразу же увидели странную тень на стене за письменным столом. Это была тень человека невысокого роста. На нем был надет

чёрный пиджак, на голове - цилиндр, а в руке - тросточка.

Они ещё чуть-чуть высунулись из-под одеяла, чтобы внимательнее рассмотреть необычного гостя. А тот уже сидел на стуле и, наклонившись к ночнику, что-то рисовал на листке бумаги. Затем этот странный человечек взял левой рукой с полки маленькое круглое зеркальце, приблизил к лицу, снял правой рукой шляпу и поклонился своему отражению. После чего поправил бабочку на шее и... стал корчить себе самые невообразимые рожи...

Лучик тихонько толкнул под одеялом Кота в бок и прошептал ему на ухо:

- Ну, что я тебе говорил...

Кот в ответ беззвучно зарычал и еле слышно произнёс:

- Сейчас я как выскочу неожиданно из-под одеяла и укушу его за ногу...

- Не надо,- сказал Лучик, - мальчика разбудишь. Давай лучше подождём чуть-чуть, посмотрим, что он дальше делать будет...

А человечек в это время как раз прекратил корчить рожи, положил зеркало на место и встал посреди ковра. И вдруг начал плясать. Это был какой-то странный танец. Человечек то подпрыгивал, то скакал на одной ноге, а потом вдруг опустился на ковёр, снял шляпу и встал на голову.

У Кота от удивления отвисла челюсть, а Лучик часто-часто заморгал, крепко зажмурился, а потом широко раскрыл глаза.

Но на этом удивительные события не закончились. Вдруг Кот и Лучик услышали рядом с собой громкие хлопки. Они повернулись и увидели, что мальчик уже не спит, а сидит на кровати и хлопает в ладоши.

Кот от неожиданности совсем забыл, что ему нельзя разговаривать с людьми и спросил:

- Ты зачем хлопаешь в ладошки?

- Потому что мне нравится мой сон, - сказал мальчик и потрепал Кота за ушками.

Котик тихонько заурчал от удовольствия. И что самое удивительное, он не превратился тут же в неподвижную игрушку.

- Вот это да! - воскликнул Кот. - Я шевелюсь! И разговариваю!..

- О, - сказал мальчик, - во сне и не такое бывает!

- Не понял, я сейчас сплю?

- Ну да, все мы сейчас спим. И ты, и я, и Лучик...

- А ты случайно не знаешь, - спросил

Кот,- этот, который сейчас на голове стоит, он кто такой?

- Это наш Сон!

- У нас что, сегодня один Сон на всех?!

- Да! - воскликнул радостно мальчик. -

Один на всех! Кот, ты же всегда мечтал со мной поговорить. А это только во сне возможно!..

- Это, конечно, здорово, - согласился

Кот. - Только Сон у нас какой-то странный. То он физиономии нам корчит страшные, то на голове стоит, как клоун...

Странный гость перевернулся обратно с головы на ноги, сел на ковёр и сказал:

- Я и есть настоящий клоун. Ещё пару

часов назад я выступал в цирке, а потом пришёл к себе домой и лёг спать. Сейчас мы с вами все снимся друг другу. И я не корчу рожи, а просто роль свою репетирую. Бояться меня незачем, потому что я совсем не страшный, а грустный...

Лучик вылез из-под одеяла и запрыгнул клоуну на плечо.

- Привет, Клоун, - сказал он,- а зачем тебе грустные рожи, если ты - клоун?

- А потому что я Печальный Клоун...

- А разве бывают печальные клоуны? - удивился Лучик и заглянул ему в глаза. При ярком свете Лучика наконец-то стало возможным внимательно разглядеть лицо гостя и все увидели подчёркнутую театральным гримом грустную улыбку...

- Конечно, бывают, - сказал Клоун. -

Очень даже часто бывают. После работы они приходят к себе домой, снимают клоунские костюмы, ужинают, ложатся спать и начинают грустить.

- О чем же они грустят? - спросил Кот.

- О разном. Во-первых, о том, что не все их клоунские номера получились так удачно, как им хотелось. О том, что они в этот день сильно поспорили о чем-то со своим директором цирка. А самое главное, о том, что не все дети смогли попасть к ним на представление. Вот ты, например, не смог в прошлое воскресенье пойти в цирк...

- Это потому что я болел, - сказал мальчик грустно.

- Я так и думал, - сказал Клоун. - А ещё много других детей по разным причинам не смогли быть на моем выступлении. И вчера я весь вечер об этом думал, и так переживал, что когда уснул, мне приснился черно-белый сон... И в нем все-все черно-белое, даже я сам! А ведь настоящие клоуны должны видеть только цветные сны, чтобы заряжаться весельем и радостью. Только тогда они могут по-настоящему радовать зрителей в цирке!..

- Послушай, Клоун, - воскликнул мальчик, - я знаю, что делать! Мы сейчас приду-

Яков Шварцман

Живу в Подмоскowie, занимаюсь производством документальных фильмов. Веду руковожу сказочным театром в Новой Москве (пос. Первомайское).

маем смешной клоунский номер. И развеселим тебя!..

- Я согласен, - сказал Кот, - Давайте придумывать...

- Ура! - радостно закричал Лучик. - Я никогда в жизни не придумывал клоунские номера. Это, наверное, очень весело!..

- Да, весело, - согласился Клоун, - но только когда получается придумать. А если не получается, вот как у меня сейчас, то очень даже грустно...

- А кому-то даже от этого страшно, - добавил Кот. - Вот у нас с вами здесь так получилось. Клоун ходил грустный, а мы думали, что он страшный...

- А может быть, мы из этой истории сделаем номер, - предложил мальчик. - Ну, как будто мы друг-друга сначала случайно пугаемся, а потом от этого нам всем становится очень смешно...

- А что, - сказал Клоун, - это неплохая идея. Из этого может получиться номер...

Они стали ходить по комнате в смешных позах и понарошку пытались пугать друг друга - корчили «ужасные» рожи и рычали, как монстры... Это на самом деле было совсем не страшно, а напротив, очень смешно. И чем громче и «страшнее» они рычали, тем веселее им становилось и тем громче они смеялись.

Вдруг они все оказались в большом цирке прямо на арене! На них были надеты клоунские костюмы, яркие парики, шляпы и большие башмаки с трещотками. Яркие светили разноцветные прожектора, оркестр играл настоящий цирковой марш, а они смешно прыгали друг за другом и хохотали. Вокруг сидели зрители и радостно хлопали в ладоши.

Это был самый весёлый сон из всех, какие только бывают на свете!..